

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095



ОГОНЁК

№ 13

1981



Николай ШАТИЛОВ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

НА РЕЙХСТАГ!

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 13

Николай ШАТИЛОВ

НА РЕЙХСТАГ!

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981

Николай ШАТИЛОВ

Николай Иванович Шатилов родился в Воронежской области. До войны работал в колхозе, потом учительствовал.

Во время Отечественной войны сражался против немецко-фашистских захватчиков под Ленинградом, пережил блокаду, воевал на Северо-Западном, 2-м Прибалтийском, 1-м Белорусском фронтах.

При взятии Берлина участвовал в штурме рейхстага.

Очерки, зарисовки Н. Шатилова о тех исторических событиях печатались в «Правде», «Огоньке» и других журналах и сборниках.

В 1973 году вышла его книга «Серия белых ракет».

Н. Шатилов — член Союза журналистов СССР. Сейчас работает в местной газете в Донбассе.

За боевые и трудовые заслуги перед Родиной награжден орденами и медалями Советского Союза.

ВЫЛАЗКА

Берлинская улица Моабитштрассе до отказа запружена повозками и орудиями, танками и людьми. Это основная магистраль, по которой пошел арьергард войск 150-й дивизии, в том числе и полк полковника Зинченко. Ему предстоит прорвать оборону противника по реке Шпрее, захватить мост Мольтке и выйти на Кенигсплац, чтобы штурмовать рейхстаг.

Полк углубился в каменный лабиринт берлинских улиц, связь его со штабом дивизии то и дело прерывалась, и командование решило усилить полк танковой бригадой подполковника Морозова. Бригаду надо быстро и без лишних потерь провести какой-нибудь глухой улицей, где меньше фашистов, где боевым машинам не угрожали бы фаустпатроны. А для этого следовало выяснить обстановку на соседних улицах, узнать местонахождение баррикад и батарей противника, чтобы потом разгромить их.

В разведку отправилось несколько групп. В глубину района Моабит, в его северо-восточную часть, вызвался пойти капитан Николаев с двумя бойцами — Дорошенко и Ярошуком. Зарядив автоматы и прихватив по полдюжине гранат, они пошли узким переулком в глубину жилых кварталов. Правее горели дома, огромное пламя полыхало над крышами, с неба сыпалась черная гарь и сажа, доносились треск пулеметов, разрозненная стрельба из автоматов, а в переулке было тихо и пустынно. Но и здесь, видимо, прогремел недавний бой: попадались разбитые машины, валялись неубранные трупы. Однако вскоре разведчики оказались в кварталах, не тронутых войной.

Шли осторожно, прислушиваясь, прижимаясь к стенам домов. Остановились возле перекрестка. Дальше переулок был изрыт траншеями, на чердаке углового дома капитан заметил пулемет, а ниже на балконах из открытых дверей выглядывали стволы скорострельных пушек.

— Хорошо укреплен дом, ждут здесь русских, — вслух подумал Николаев, нанося дом на свою карту.

Свернув под арку, разведчики пошли вдоль высокого каменного забора. Задержались возле казармы, на дворе которой был учебный плац.

Капитан отметил и ее на своей карте. Двинулись дальше, прижимаясь к стенам, перебегая из подъезда в подъезд. Перед домом с металлических воротами снова остановились. Из калитки вышел старик. Постоял рядом с разведчиками, не заметив их, вернулся обратно и снова вышел с немецкими солдатами, вооруженными фаустпатронами. Солдаты заняли массивную каменную башню на другой стороне улицы. Эту башню капитан тоже отметил. А через квартал разведчики увидели высокую баррикаду и за ней замаскированную артиллерийскую батарею. Ее орудия систематически обстреливали улицы, по которым шли советские войска.

— Может, схватимся, товарищ капитан? — шепотом предложил Дорошенко.

— Нельзя, — ответил капитан, — главное для нас — разведка. — И нанес батарею на карту.

Осмотрев весь район баррикады, подходы к ней, разведчики узеньким переулком прошли на другую улицу, рассчитывая по ней вернуться в свою часть.

Шли дворами. Дома казались пустыми, но до разведчиков долетали то людские голоса, то цоканье кованых сапог, то шум мотора. Через пролом в стене попали в совершенно глухой двор. Пришлось осторожно выйти на улицу. Оказались возле перекрестка. Перед подъездом углового дома стоял грузовой автомобиль. Шофер дремал за баранкой.

Капитан Николаев был доволен результатами разведки. Их следовало скорее доставить начальнику штаба дивизии полковнику Дьячкову. Поэтому его и заинтересовал грузовик. На автомашине скорее можно добраться до своих. Да и захотелось на этот раз рискнуть, схватиться с фашистами, и...

— Прихватим языка, — предложил капитан разведчикам.

— Прихватить-то прихватим, — возразил Дорошенко. — Как ты его в штаб доставишь? Кругом фрицы...

— Главное — захватить, а там на машину и гони ее аллюром, — усмехнулся капитан.

Решили так: Ярошук наблюдает за машиной и берет шофера на прицел, а капитан с Дорошенко с другой стороны дома попытаются захватить языка.

Разведчики приготовились. Из парадного вышел офицер, за ним два солдата. Каждый нес по мешку муки. Они забросили их в кузов, вернулись в парадное, застучали каблуками по каменному полу. Офицер остался у машины. Медлить дальше было нельзя. Дюжий Дорошенко сильной ладонью загнал в рот офицеру платок. Капитан наставил на него автомат, приказал залезть в кузов, затем вскочил в кабину и крикнул шоферу: «Форвертс, граде аус!»*.

* «Вперед, прямо!»

Шофер повиновался, мотор взревел, и машина быстро понеслась по булыжнику в кварталы, занятые советскими войсками. Гитлеровцы, которые были в подвалах, в подъездах домов, в подворотнях, не обращали внимания на грузовик. Но капитан опасался, что с балконов и окон верхних этажей могут увидеть в кузове советских солдат и связанного немецкого офицера. И действительно: по машине прострочил пулемет.

— Шнель, шнель! — закричал Николаев шоферу, тыкая его в бок автоматом.

Скорость возросла. Грузовик прыгал по ухабам, мял разбитые велосипеды и разную домашнюю утварь, рвал запутавшуюся проволоку. Было удивительно, что не лопаются скаты, выдерживает кузов...

Встреченные немцы по-прежнему не сразу понимали, кто едет в машине. Лишь вдогонку строчили автоматы да с верхних этажей били пулеметы, летели фаустпатроны. Но все мимо.

Машина ворвалась в горящие кварталы. Улицу застилал дым, на мостовую сыпались пепел и гарь, падали кирпичи и штукатурка.

— Шнель, шнель! — торопил капитан шофера. Ведь теперь для немцев было все равно — своя или чужая машина: раз она мчится к противнику, значит, ее надо уничтожить.

И действительно, по машине открыли огонь не только из автоматов, но и из минометов. Первые мины легли далеко впереди, второй залп чуть не накрыл машину. Шофер растерялся, сбросил скорость, и тут из подъездов дома выскочили гитлеровцы, стреляя на бегу, стараясь попасть в скаты.

Разведчики встретили их гранатами и автоматными очередями. Им надо было во что бы то ни стало вырваться из горящей улицы, уйти от врага, доставить в штаб добытые сведения и пленных. Минометный обстрел возобновился с новой силой. С ожесточенным звоном мины рвались на булыжной мостовой, и их осколки, казалось, поражают все вокруг. Одна мина ударила так близко, что в кабине вылетели стекла.

— Второй раз уже не накроет, — сказал сам себе Николаев и потом крикнул шоферу: — Шнель, шнель!

Минометы вдруг сразу умолкли да и сзади стрельба прекратилась. Капитан понял, что началась нейтральная зона, хотя в городе этой зоной порой оказывалась лишь стена: в одной комнате свои, в другой чужие. И все же угроза со стороны немцев для разведчиков миновала, а вот свои...

«Свои не станут стрелять в машину, чья бы она ни была, — решил капитан, — страх от нее не велик».

Разведчики выехали на улицу, сплошь заваленную рухнувшими стенами домов.

Грузовик уткнулся в яму и застыл. К нему бежали артиллеристы.

— Хенде хох! Хенде хох! — кричали они, держа наготове автоматы.

— Стой! — выскочил из кабины капитан.— Не видите?! Свои!

...Начальник штаба дивизии спокойный и сдержанный полковник Дьячков выслушал доклад разведчика капитана Николаева, тут же допросил пленного офицера. Он оказался интендантом, начальником продовольственного склада дивизии. Офицер показал численный состав соединения, отметил на карте расположение батарей и баррикад, особенно укрепленные кварталы и дома и даже местонахождение командного пункта дивизии. Данные его при допросе подтвердил и шофер. Они совпадали и со сведениями, собранными разведкой капитана Николаева.

...Смелая вылазка капитана Михаила Николаева позволила артиллерии расчистить дорогу нашим войскам, быстро подойти к Шпрее и мосту Мольтке...

ЛУННАЯ СОНАТА

В Берлине полк полковника Зинченко вплотную подошел к мосту Мольтке — единственной переправе в этом районе через реку Шпрее. Гитлеровцы ведут ожесточенный огонь, чтобы приостановить наступающих, не допустить их на левый берег. Они бьют из орудий и пулеметов, из фаустпатронов, и вся мостовая гремит от взрывов, грохочет от обвалов. Кажется, не пробиться машинам, не пройти людям. И все равно три наших танка, а за ними и студебеккер прорвались вперед. Группами и поодиночке пробежали по мосту солдаты и офицеры, рассыпались по воронкам, укрылись в разрушенных зданиях левого берега.

И мы, корреспонденты дивизионной газеты, ни на час не отстаем от событий. В редакции и осталось-то нас — ответственный секретарь Борис Минчин, Василий Субботин и я, — вчера осколками фаустпатрона убит редактор Вадим Белов, тяжело ранен его заместитель Николай Зацепин, задело печатника Александра Одинцова и наборщика Виктора Суслопарова.

Тороплюсь на командный пункт дивизии, а там и в полки, на передовую линию. Вблизи Шпрее встречаю Ангелину Шипилову. Миловидная, небольшого роста, кругленькая, словно колобок, она вечно куда-то торопилась, вечно чем-то была занята.

Всю войну санинструктор Шипилова шла в передовых цепях бойцов, вытаскивая с поля боя раненых, принимала участие в наступлениях, короче говоря, безропотно перенесла все суровые испытания фронтовой жизни и никогда не падала духом. А сегодня она казалась обиженной и расстроенной.

— Что с тобой, Ангелина? — спрашиваю девушку.

— Фрицы пытались переправу отбить, а я помогала ребятам.

— Стреляла?

— Ваню Кузьмичева ранило, за пулемет легла.

— Ну и?..

— Майор Федин приказал заниматься своим делом и не совать носа куда не нужно. И я занималась своим делом: вынесла раненого и заменила его за пулеметом.

— И что же?

— Отправил в полк, а что я делала всю войну, забыл, видно. Майор Федин — заместитель командира полка по политчасти — всю войну оберегал девушку и теперь, когда победа была близка, не хотел, чтобы она рисковала.

Как могу утешаю Ангелину, а потом бегу улицей, стараясь держаться возле домов, бегу к четырехэтажному зданию с сорванной крышей, в котором размещается командный пункт дивизии.

Сюда тянутся жгуты проводов, с телефонными катушками торопятся связисты, а в самом помещении — в коридорах и на лестничных площадках — толчея и неразбериха. В комнатах отдаются команды по телефонам и рации, слышны охрипшие голоса, стоны раненых. Кое-как пробираюсь в маленькую комнату, в которой установлен коммутатор, к телефонистке Вере Кузнецовой, может быть, узнаю от нее, как разворачиваются события — кто-кто, а телефонисты — сведущий народ.

Девушка, аккуратно причесанная, с белоснежным подворотничком, держится бодро и деловито, хотя в эти дни много достается и ей. Она, не прерывая работы, дружески улыбается:

— Вовремя пришли. Зинченко форсировал Шпрее!

Благодарю за приятное известие, хочу идти к Зинченко, но девушка останавливает меня:

— Курбатов вас спрашивал. Он на наблюдательном пункте. Это четвертый этаж.

Я выбираю минутку затишья и что есть духу мчусь через двор к другому подъезду. Едва влетаю в дверь, как позади гремит взрыв, словно снаряд догонял меня и не успел.

Отдышавшись, прыгая через каменные ступени, бегу на четвертый этаж. Ноги скользят по битому кирпичу, осколкам стекла, дорогу преграждают разломанные двери, куски разрушенных стен и обрушившихся потолков.

Наверху гуляет ветер, дым, гарь, хлопьями летит копоть. Но отсюда хорошо видны река, мост, за ним прибрежные здания — слева белокаменное, квадратное, и еще левее темно-коричневое, угрюмое, подковой выходящее на площадь. Здания то появляются, то словно растворяются в дыму, и тогда лишь угадывается площадь и, в ее глубине, плоская, черная крыша с башнями по углам, с огромным, крутым стеклянным куполом посередине.

У окна стоял генерал, пристально всматриваясь в заречную панораму, рядом с ним его адъютант капитан Курбатов. Лицо капитана, покрытое копотью, было черным, воспаленные глаза слезились.

— Откуда ты, прелестное дитя? — встретил он меня шуткой, а потом уже серьезно спросил: — Как же ты пробрался к нам?

— Да по дворам и подвалам.

— А тебя Артюхов спрашивал.

Из соседней комнаты вышел начальник политотдела подполковник Артюхов — среднего роста с крепкими, крутыми плечами, всегда живой и шумный, он и на этот раз загремел своим сочным басом:

— Корреспондент! Что в редакции?

— Трудно, товарищ подполковник, но газета выйдет.

Он нахмурился, видимо, вспомнил о тяжелой утрате, которую понесла редакция, вздохнул:

— Ах, Вадим, Вадим. Какого мы потеряли человека! Сутки не могу прийти в себя. Рука не поднимается сообщить его жене.

Вадим Белов недавно пришел в нашу редакцию. Москвич, до войны работал в областной молодежной газете, был хорошим газетчиком. Мы дружили с ним. Вчера, перед тем, как отправиться ему из редакции в политотдел, мы долго стояли у подворья усадьбы, которая располагалась вблизи Моабитской тюрьмы. Белов говорил о скорой победе, о салюте в Москве...

— Держитесь,— отвлек меня от невеселых мыслей Артюхов.— А сейчас побывай у Зинченко, напиши о героях. Да будь осторожнее.

Пока начальник политотдела отдавал приказ, меня заметил и генерал. Отозвав адъютанта, он что-то сказал ему, кивнул в мою сторону.

Я едва ступил к выходу, как Курбатов остановил меня.

— Давай свою игрушку,— потребовал он, показывая на пистолет.

— Зачем?

— Давай, давай,— настойчивее повторил адъютант.

Артюхов стоял в сторонке, наблюдал за сценой и, похоже, вроде бы улыбался.

Дело, как мне показалось, оборачивалось для меня не в шутку — идти в полк без пистолета! Но пришлось подчиниться приказу, я снял кобуру, подал адъютанту.

Генерал подошел ко мне, положил руку на плечо.

— Есть приказ, дорогой,— сказал он,— тех, кто идет на рейхстаг, вооружать автоматами. А гранаты имеешь?

— Пару прихватил,— ответил я.

— Пожалуй, тебе и достаточно.

Из соседней комнаты вышел Курбатов. Он вручил мне новенький вороненый автомат.

— Вернешься, загляни. Что-то я еще приготовил тебе,— напутствовал он меня.

Прижав оружие к груди, я, не считая ступенек, сбегал вниз, промчался двором, выскочил на простор набережной к самому мосту. Моста в дыму не видно. Справа с пронзительным свистом в реку врезается снаряд. Он разорвался где-то на дне. Под ногами вздрагивает железобетонный настил, холодные брызги окатывают лицо.

От моста скатываюсь под откос, перевожу дыхание, вдоль стены огромного здания добираюсь до ближайшего подъезда.

Здание гудит от непрерывной стрельбы, от взрывов. Тонко попискивают пули, с шелестом, как огромные шмели, проносятся осколки, со стен падают камни.

— Здоров, кацо! — слышу мягкий, с кавказским акцентом говор. Поворачиваюсь: Кантария. Младший сержант Кантария, лихой разведчик 756-го стрелкового полка. В полумраке вижу его черное от копоти лицо, светлые глаза. Он быстро и привычно перезаряжает автомат, кивает на потолок.

— Гоним фрицев на верхние этажи. Не видел, как они оттуда прыгают?

Кантария смеется, смахивая со лба прядь жестких волос.

— Допрашивали пленного, говорит, стреляйте, а в Сибирь не хочу. Геббельс запугал их. Разбиваются, а не сдаются. И черт с ними, все меньше фашистов останется.

Разведчик берет меня за локоть, подводит к двери.

— А есть и такие, что против Гитлера. Берест расскажет тебе, он там вон, в вестибюле...

Иду искать заместителя комбата первого стрелкового батальона по политчасти лейтенанта Береста.

Я любил этого офицера и дружил с ним. Красавец, богатырского сложения, Берест в бою был смел и удачлив. В полку ходило много рассказов о его бесстрашии. Вот и здесь, в этом здании швейцарского посольства, сменив пистолет на автомат, а шинель на телогрейку (удобнее воевать), он с ротой старшего лейтенанта Панкротова пошел расчищать дорогу к рейхстагу.

Береста я застал за составлением политдонесения.

— Привет прессе! — встретил он меня, крепко пожимая руку. — Доставай блокнот и записывай: «Воины из роты старшего лейтенанта Панкротова встретили в Берлине друзей». Что, не веришь?.. Представляешь, врываемся мы в зал, что на втором этаже, а там возле пулемета три немецких солдата — один совсем старик, а два — ну вовсе пацаны — лет по тринадцать. Все стоят с поднятыми руками. Старик нам по-русски кричит: «Товарищи, не стреляйте, мы ваши друзья!»

На всякий случай велел друзей обыскать и спрашиваю: «А зачем при пулемете?» «Он не заряжен, — отвечает старик. — Мы из него ни одного выстрела не сделали. Это Гитлер нас в военную форму одел и послал убивать русских».

Смотрю, пулемет совсем новенький, даже смазка не стерта и из него действительно не стреляли.

Я приказал немцам опустить руки, и старик рассказал, что он учитель музыки. Русский знает, потому что гимназию окончил в России. А здесь, в Германии, он всю жизнь учил детей любить прекрасное, учил музыке. А позавчера к ним в школу пришли

эсэсовцы и сказали, что теперь его музыка будет в окопах, что он должен стрелять в русских или его застрелят. Одели старика и его двух старших учеников в солдатскую форму и отправили воевать.

Старик сказал, что был близко знаком с семьей Эрнста Тельмана. Тельман любил музыку, особенно Бетховена. У него было много пластинок — произведений великого композитора. Когда Тельмана арестовали, его жена подарила старику любимую пластинку мужа — «Лунную сонату». Он ее хранил как святыню. И, представь мое удивление, когда старый немец достал из цинковой коробки для патронов пластинку и протянул мне: «Вот, — говорит, — она. Ее слушал сам Тельман, пусть теперь она будет у русских, которые разбили фашизм».

Если не веришь, зайти к адъютанту генерала и послушай сам, пластинка у него.

В здании швейцарского посольства мне пришлось задержаться: беседовал с пулеметчиками, с бойцами, но все время помнил рассказ Береста. Спросил об этом у командира роты старшего лейтенанта Панкратова. «Все правильно, — отвечает, — пленных, старика и пацанов, мы отправили в штаб полка, а пластинку Берест действительно передал куда-то в дивизию».

Уже смеркалось, когда я вернулся на наблюдательный пункт нашей дивизии. Там увидел санинструктора Ангелину Шипилову. Заменить пулеметчика ей так и не разрешили. Она сказала, что адъютант Курбатов меня давно ждет. В это время в комнату вошел сам Анатолий Курбатов.

«Пойдем, — сказал он, — я для тебя сюрприз приготовил». И повел через коридор в другой конец здания, где стрельба орудий была не так слышна.

Здесь, в небольшом чуланчике, на столе стояла радиола.

— Музицируете, вместо того чтобы воевать! — пошутил я.

— И музицируем и воюем, — ответил он. — Вот послушай.

Курбатов включил радиолу, и комната наполнилась чарующими звуками «Лунной сонаты».

КОРПУСНОЙ РАДИСТ КОНДРАТ УБИЛАВА

Истекал апрель 1945 года. И весна — молочная кипень садов и шелк зеленого наряда, в который одевалась земля, — а главное, близость победы воодушевляли солдат и офицеров.

Воины 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии за какую-нибудь неделю прошли с жестокими боями десятки кварталов Берлина, преодолели яростное сопротивление врага, уничтожив множество его баррикад и противотанковых надолбов, подавив сотни орудийных батарей и пулеметных засад, ликвидировав тысячи снайперов, форсировали реку Шпрее, овладели зданиями-крепостями швейцарского посольства и министерства внутренних дел Германии, готовились к штурму рейхстага.

Обычно наблюдательный пункт штаба корпуса располагался по крайней мере в нескольких километрах от передовой позиции. Сейчас же, когда войска сомкнулись вокруг рейхстага и имперской канцелярии, штаб корпуса находился в подвале дома на берегу Шпрее, рядом с наступающими батальонами.

Здесь, на кусочке земли в сотни квадратных метров, завершалась самая большая война. Гитлер бросил в бой свои последние силы, и они дрались с фанатическим упорством, веря еще в какое-то сверхъестественное оружие, обещанное фюрером. Наши соединения и части, не теряя времени, подтягивали тылы, группировали силы для решительного удара.

Наблюдательный пункт штаба корпуса держал связь с наступающими по радио. Телефон был ненадежен. При стремительном наступлении среди каменных домов провод то обрывался сам, то его перебивали осколки или пуля.

Командир взвода радистов 577-го отдельного батальона 79-го стрелкового корпуса молодой лейтенант Кондрат Убилава ни на шаг не отходил от радики. Он следил за четкостью передач, чтоб командование корпуса в любую минуту было в курсе всех событий в наступающих дивизиях.

Вокруг то и дело рвались снаряды, осколки секли каменные стены дома, со свистом залетали в окна. Несмотря на это, командир корпуса генерал Переверткин часто поднимался на третий этаж, к стереотрубе,

или под обстрелом на машине ехал в дивизию и полки. И рядом с ним постоянно находился лейтенант Убилава. Он передавал по радио приказы комкора, принимал донесения командиров дивизий и их просьбы о помощи техникой и живой силой.

30 апреля рация Убилавы работала непрерывно. Рано утром из штаба полка 150-й стрелковой дивизии сообщили, что полк подполковника Плеходанова овладел зданием министерства внутренних дел Германии, или, как называли его здесь, домом Гимmlера, и вместе с полком полковника Зинченко вышел на передовой рубеж для штурма рейхстага. Затем лейтенант Убилава принял сообщение о том, что в атаку пошли солдаты роты лейтенанта Греченкова, но не смогли преодолеть заградительного огня противника, залегли на Кенигсплац.

Генерал Переверткин приказал командиру 171-й стрелковой дивизии быстрее форсировать Шпрее и помочь авангарду штурмовать рейхстаг.

— Выдвинуть вперед артиллерию, танки, подавить вражеские орудия на Карлштрассе,— требовал он.

Внимательно следил командир корпуса за действиями правого фланга, на котором наступала 207-я стрелковая дивизия и добивала фашистов в Тиргартене и Крельопере. Однако главное внимание штаба корпуса занимала 150-я стрелковая дивизия. Она вышла на основное центральное направление, ей предстояло брать рейхстаг, можно сказать, завершать войну.

Едва ль не каждые четверть часа приемник настраивался на волну этой дивизии. С ее командного пункта старшина Михаил Рябов передал, что от дома Гимmlера до рейхстага остается 360 метров и что полки ждут сигнала к последнему броску.

Комкор еще раз проверил, все ли готово для атаки, достаточно ли сил сконцентрировано на левом берегу перед Кенигсплац — артиллерии, танков...

Оставались минуты до начала артиллерийской подготовки и штурма рейхстага.

Лейтенант Убилава не прекращал связи с штурмовой дивизией. Вдруг в микрофоне послышался страшный треск, на мгновение лейтенант оглох, а потом разобрал и слова:

— ...взрывом снаряда разбиты запасные батареи питания радиостанции, на исходе и основные батареи,— это докладывал старшина Михаил Рябов.

Убилава понял, что вот-вот командный пункт корпуса лишится связи с дивизией, которая будет штурмовать рейхстаг.

Не раздумывая, он подхватил запасной комплект батарей и выскочил на улицу. Недалеко упал снаряд, взрывная волна сбила лейтенанта с ног. Поднявшись, он выбрался на дорогу и пополз по

кювету туда, где находилась радиостанция старшины Михаила Рябова.

А вокруг гремели разрывы, свистели пули. Казалось, голову поднять невозможно. Но Кондрат Убилава не думал об опасности. Он лишь боялся за сохранность батарей для радиостанции, оберегал их от пуль и осколков. Ведь от этих батарей зависела связь, а в конечном счете жизнь бойцов, своевременное сообщение о победе, которого с великим нетерпением ждут корпус, армия, страна...

До командного пункта дивизии, до радиостанции старшины Михаила Рябова было всего каких-то триста метров. Но эти метры шли сквозь огонь и гром. На каждом из них лейтенанта подстерегала смерть.

Он полз, стараясь не поднимать головы. Не чувствовал, что глаза заливает пот, на зубах хрустит песок. Думал лишь об одном: успеть обещать связь. Возле вывороченной тумбы на минутку замер, перевел дух. Прикинул на глаз — сколько еще до командного пункта дивизии. Потом посмотрел за реку, туда, где вот-вот начнется битва.

Дым и пыль застилали берега Шпрее, а дальше тоже клубился дым, из которого то показывались, то исчезали черепичные крыши высоких зданий. И небо над ними было серое, словно задымленное. Неожиданно в этом задымленном небе появилась пара советских самолетов. Они сделали над площадью круг, и в воздухе заколыхалось, плавно опускаясь к земле, большое алое полотнище.

Лейтенант словно зачарованный смотрел на него, гадал, что бы это значило. И вдруг осенило: это же авиаторы поздравляют нас перед штурмом с Первомаем! И он догадался правильно. На полотнище, которое сбросили летчики Малиновский и Новоселов, было написано: «Да здравствует Первое мая!»

Лейтенант Убилава вовремя доставил электрические батареи старшине Михаилу Рябову.

Обратно ползти без груза лейтенанту было куда легче. Он то прижимался к земле, переводя дыхание, то вскакивал и перебежками устремлялся вперед. Запорошенный землей, в гимнастерке, распоротой осколком снаряда, пропахший дымом, он вернулся в подвал командного пункта штаба корпуса и тут же бросился к радиостанции.

— Ну что? — взволнованно спросил он радиста.

— Работает как часы, товарищ лейтенант, — ответил тот. — Да и штурм начался. Слышите?

Наша артиллерия начала огневую атаку. Гром нарастал. От него сотрясалась и гудела земля.

— Товарищ командующий, — докладывал по радио командующему армией генералу Кузнецову комкор Переверткин, — 150-я дивизия пошла на штурм.

— Поздравляю, — коротко ответил командующий. — На площади не мешкать, беречь людей...

БУДЬТЕ МИЛОСЕРДНЫ

При штурме Берлина нашим солдатам приходилось сражаться и в тесноте узеньких улиц, заваленных обломками стен и битым кирпичом, и на открытых, очень опасных, насквозь простреливаемых площадях, и над бездной — преследуя гитлеровцев на крышах и чердаках. Но, пожалуй, самые трудные бои происходили в непроглядном мраке подвалов и лабиринте тесных коридоров под огромным, на целый квартал, зданием министерства внутренних дел Германии. Эти подземелья сообщались с подвалами других зданий...

Штурмовые группы, сражавшиеся под землей, выработали определенную систему. Обычно впереди шли пулеметчики. Они длинными очередями простреливали коварную темноту. Затем автоматчики забрасывали помещение гранатами и после этого — вперед! Но бывало, что все равно навстречу атакующим сверкали автоматные очереди. Гитлеровцы укрывались от пулеметного огня и гранат в различных закоулках или за стальными дверями.

Схватки были короткими и жестокими. В темноте металась лучики электрических фонариков, гремели автоматы, раздавались хриплые крики сражающихся и стоны раненых. Бывало, что после пулеметного огня и взрывов гранат немцы сразу сдавались в плен. Но так случалось не часто. Среди засевших в подвалах было много эсэсовцев. Они пощады не ждали, дрались жестоко, отстреливались до последнего патрона и в плен не сдавались.

Командир роты лейтенант Греченков вместе с одной из штурмовых групп уже несколько часов подряд сражается в этих проклятых подвалах. Его продымленная гимнастерка мокра от пота. В подвалах душно, жарко и пыльно. В таком бою очень трудно управлять штурмовой группой. Бой неизбежно рассыпается на отдельные схватки, и, кажется, им не будет конца.

Сержант Середа яростно бьет из ручного пулемета, и стреляные гильзы звенят, отскакивая от бетонного пола. Солдат Малик Ходжаев бросает гранату. Грохот взрыва раскатывается под каменными сводами. Автоматчики, прижавшись к стенам, секут темноту длинными очередями и бросаются вперед...

Солдаты Гончаров и Ходжаев свернули в боковой коридор. Навстречу автоматная очередь. Спрятались за угол, подсветили фонариками — пусто, никого. Снова двинулись вперед и снова навстречу очередь. Включили фонарики — видят на полу канализационный колодец, крышка снята.

— Вот откуда стреляют! — догадался Гончаров. — Держи его под огнем, — крикнул он Ходжаеву, — а я сейчас! С другого конца его возьму.

Гончаров пошел назад по коридору, пока не увидел крышку другого канализационного колодца. Открыл ее, спустился в трубу

и пошел обратно, стараясь не шлепать по вонючей жиже. Включив фонарик, он увидел ноги стоящего в колодце немецкого автоматчика.

— Хенде хох! — скомандовал Гончаров.

Но немец с перепугу быстро полез вверх из колодца. Там его и схватил Ходжаев.

Пожилого солдата привели к командиру роты лейтенанту Греченкову. Пленный знал русский язык, сказал, что его поставили защищать подземный госпиталь, что он стрелял, выполняя присягу и приказ своего генерала.

— Где госпиталь? Веди! — приказал Греченков.

Пленный подвел солдат к незаметной нише, от которой начинался узенький коридор. Шли довольно долго, держа наготове автоматы, подсвечивая дорогу фонариками. Наконец уперлись в тяжелую стальную дверь.

— Здесь, — сказал пленный, — постучите три раза.

Ординарец командира роты Иван Гавриш трижды ударил прикладом по стальной поверхности. Загремел засов, и дверь отворилась. В помещении, плохо освещенном тусклой электрической лампочкой, находились немецкие офицеры. Солдаты вскинули автоматы, а Греченков скомандовал: «Хенде хох!» Немцы подняли руки. К лейтенанту шагнул старик в белом халате.

— Пожалуйста, не стреляйте! — воскликнул он. — Здесь госпиталь, эти офицеры — врачи. Я заведующий обществом Красного Креста Берлина и провинции Бранденбург профессор Вильгельм Бреккенфельд, генерал-лейтенант медицинской службы. — Затем представил второго генерала: — Начальник военно-санитарных учреждений Берлина профессор Вальтер Шрайбер. Повторяю, здесь госпиталь, и прошу нас не трогать.

— Покажите, — приказал лейтенант Греченков, — и предупреждаю: если последует хоть один выстрел, всех уничтожим!

— Не беспокойтесь, никакого сопротивления не будет, пойдемте со мной.

В низком подвале было душно, пахло йодом и карболкой. В углу пожилой солдат крутил педали установленного на козлах велосипеда, вращал движок местной электростанции. Часть помещения была отгорожена чистыми простынями.

— Здесь наша операционная, — сказал Вильгельм Бреккенфельд, — прошу туда не заходить, оперируют раненого в живот. — Потом указал на новые деревянные ящики, стоящие у стены, и пояснил: — В ящиках наше оружие — разобранные автоматы и пистолеты, убедитесь сами. Другого оружия нет.

Здесь же аппаратура радиостанции, а дальше, в коридоре, лежат триста десять раненых. У нас нет продовольствия и кончились медикаменты. Прошу вас о милосердии: пощадите раненых, поставьте у входа охрану, помогите нам спасти людей. Приносите сюда и своих раненых, мы их будем лечить.

«Вспомнили о милосердии», — сдерживая закипающую злобу, подумал Петр Греченков, припомнив зверства фашистов, которые они творили на советской земле. Но вслух сказал:

— Охрану у госпиталя поставим, а вы и второй генерал отправитесь к нашему командиру.

Лейтенант направил под конвоем пленных к командиру дивизии, а сам со штурмовой группой пошел дальше очищать подвалы от гитлеровцев.

...Генерал Шатилов находился на своем командном пункте. Бои, которые вели полки его дивизии, становились все ожесточеннее и кровопролитнее. До рейхстага было уже недалеко, но каждый метр стоил крови. В это время Шатилову сообщили, что доставили пленных немецких генералов.

— Ведите их сюда, — приказал он.

Немецкие генералы представились. Вильгельм Бреккенфельд сказал, что они медики, профессора, что в подземном госпитале строевых офицеров нет, а только офицеры-врачи и их задача не убивать людей, а врачевать их раны. Они умоляют русского генерала о милосердии.

— Три дня назад, — сказал генерал Шатилов, — у Малого Тиргартен-парка, это возле церкви, ваши солдаты прорвались в занятый нами квартал. Там они захватили дом, в котором находились восемнадцать человек наших раненых, и вырезали всех до единого...

Вильгельм Бреккенфельд закрыл лицо руками и сказал:

— Как ужасна эта война, ну что ж, вы победители...

— Нет, — ответил советский генерал, — мы ваших раненых не тронем. — И потом скомандовал: — Уведите пленных.

ЖОРА

Только что закончились бои в здании министерства внутренних дел Германии. В его огромных, высоченных залах с лепными потолками, со стенами в оспинах от пуль и осколков еще не осела кирпичная пыль. Пахнет порохом и толом. А наши бойцы уже спят, спят как убитые, сраженные нечеловеческой усталостью. Они шли от самого Одера с тяжелейшими боями, полмесяца не досыпая, а за минувшие сутки и совсем не сомкнули глаз.

Спит и Жора Артеменков, самый молодой боец полка, точнее, его воспитанник. Ему всего четырнадцать лет. Уткнулся в подмышку капитана Кондрашова и посапывает. Лицо черное от копоти, кожа шелушится, руки побиты, в кровавых ссадинах.

Оторвала война мальчишку от дома и погнала по огненным дорогам боев. В части его никто не называл «сыном полка» или

воспитанником — это обижало Жору. И действительно, при необходимости он мог быть и автоматчиком и пулеметчиком. Разбирался в задачах, которые ставились командованием перед взводом разведчиков.

И все же мальчика, конечно, отличали от настоящих солдат. В разведку его брать не разрешали, в атаку — тем более. За этим следили строго, каждый солдат и офицер чувствовал ответственность за судьбу подростка. Особенно заботливо опекал его офицер разведки полка капитан Кондрашов.

Своих детей у Кондрашова не было. Встретил мальчишку еще в Калининской области, на дороге, оборванным, с запавшими щеками, и дрогнуло сердце офицера. Взял во взвод, одел, накормил, и полк усыновил Артеменкова.

В полку особенно полюбили мальчика разведчики. С ним рядом им вроде и легче воевать было: поговорят, пошутят с Жорой — и вроде дома побывали. Да и помогал он как мог своим боевым друзьям: то поднесет вовремя патроны и зарядит пулемет, то в горячую боевую струю подаст гранаты или поможет раненому.

Артеменков все время был с разведчиками, даже украдкой от командования ходил с ними на боевые задания, конечно, на менее опасные. И, случалось, приносил немалую пользу. Мальчик был очень наблюдательным, глаз имел острый. Бывало и так, что именно он первый заметит хорошо замаскированную батарею противника, которую и в бинокль трудно разглядеть. А один раз Жора первым увидел гитлеровцев, которые разведчикам в тыл заходили...

Крепко спит Жора. Устал, как и все, а особенно за минувшие сутки. Сколько он побегал здесь, в этом доме, по его подвалам и лестницам, сколько сам пустил свинцовых очередей из автомата по ненавистным врагам. И не раз рисковал жизнью.

Так, в одном из подвалов он не заметил, как фриц готовился в него выстрелить. Но разведчики оберегали своего Жору и упредили фашиста, пристрелили его. А в коридоре на втором этаже Жора сам ликвидировал фаустика, дал по нему короткую очередь.

Не всегда мальчишке приходилось воевать тайком. Порой в жарком бою за ним не было возможности присмотреть, и тогда Жора действовал как обычный солдат.

Так было и в доме Гимmlера, где дрались за каждую дверь и каждую комнату, за каждый подъезд и каждый этаж. Тысячи эсэсовцев, укрепившись на шести этажах и в подвалах, обороняли огромное здание. Сутки не смолкал гром и грохот, дым и пыль черной завесой висели в воздухе. Жора видел, какое мужество требовалось от стрелков и пулеметчиков, артиллеристов и разведчиков, чтоб сломить врага. Батальоны капитана Давыдова, майора Логвиненко — весь полк, которым командовал подполковник Плеходанов, а потом

и батальон капитана Неустроева упорно, шаг за шагом теснили гитлеровцев.

Сейчас в доме непривычно тихо, лишь где-то, сорвавшись, прошуршит камень или, ударившись о стену, разорвется снаряд, прилетевший из глубины немецкой обороны. Щелкают разрывные пули. Они залетают в окна и рвутся на мелкие, игольчатые осколки, осыпая ими стены.

За окном — полумрак. Может быть, рассвет давно наступил, может быть, уже восходит солнце, но сквозь пыль и чад пожарищ ничего не видно. Только смутно обозначается площадь, которую скудно подсвечивают ракеты, и тогда вырисовывается вдали огромное серое здание с массивными колоннами. Это и есть рейхстаг.

Решено сегодня идти на штурм, но когда, в какие часы — об этом не знают бойцы, заснувшие после боя. А старшины уже готовят для них завтрак: затащили канистры с горячим супом и кашей, с крепко заваренным чаем. Позаботились и о боеспитании: складывают принесенные сюда ящики с патронами, гранатами. Не забыли об оружии: вместо винтовок приготовили всем автоматы.

Дом Гиммлера стоит на пути к рейхстагу, он — рубеж для последнего рывка. Отсюда до рейхстага и расстояние-то пустынное — триста шестьдесят метров. В другое время потребовались бы минуты, чтобы преодолеть их.

Сейчас эти метры сулят смерть: бежать надо по открытой площади, навстречу ураганному огню пулеметов и орудий, автоматов и фаустпатронов.

Атака началась на рассвете. Вперед пошли стрелки роты лейтенанта Греченкова и роты старшего сержанта Съянова, который накануне заменил тяжело раненного командира. Но они, пройдя сто с лишним метров, залегли перед каналом. И когда снова загремели наши орудия, когда снова снаряды легли в цель — на площадь и рейхстаг, на вражеские траншеи и батареи, — под прикрытием огня пошли и знаменосцы: старший сержант Егоров и младший сержант Кантария. Сопровождал их капитан Кондрашов с разведчиками и связистами.

Жора Артеменков давно этого ждал. Он приготовил красный флажок, написал на его древке свое имя, вручил Мелитону Кантария.

— Поставь и мой флажок, товарищ младший сержант, — попросил Жора. Он хотел сказать, что это от мальчишек страны, от самых юных воинов, но постеснялся и лишь с завистью смотрел на солдат, которым предстояло брать рейхстаг. Ему командир запретил выходить куда-либо из подземных трущоб дома Гиммлера.

Ушли, одни со знаменем, другие с боеприпасами: в вещмешки и в противогазные сумки набили патроны, гранаты до отказа. Ведь рейхстаг стоял, словно остров, среди моря пуль и снарядов, доставлять туда боеприпасы будет трудно, а их для этого боя потребуется много...

Надо помочь бойцам, решил Жора.

Он со всех ног бросился из подвала во двор, куда студебеккеры уже сумели завезти целую гору боеприпасов, и стал усердно набивать пулеметные ленты и автоматные магазины патронами, наполнять вещмешки гранатами. Не забыл и о ракетах.

Хорошую «посылку» готовил для героев, но доставят ее адресатам только ночью, когда пойдет подкрепление в рейхстаг.

Отрывался от работы Жора только для того, чтобы сбежать на второй этаж и посмотреть в окно: добрались ли друзья до рейхстага, вывешено ли знамя, виднеется ли и его флажок...

На втором этаже собрались и комбаты, и артиллеристы, и разведчики-наблюдатели. Все в нетерпении. Прошел час, как начался штурм, а ничего не видно, да и связи нет, все гремит, все рвется.

И вдруг — «Ура, наши в рейхстаге!» — услышал Жора и бросился к окну. Знамя алено на серой колонне парадного подъезда.

Мальчик подпрыгнул от восторга и тоже закричал ура. Но его оттащили от окна: пули то и дело залетали в комнату, дзинькали над головою.

— А мой флажок! — вспомнил Жора и снова подошел к окну. Флажка не увидел. Но верил, что младший сержант Кантария с Егоровым установили где-нибудь на рейхстаге и его флажок.

Как только стемнело, новые батальоны отправились на помощь героям. Бойцы нагрузились и оружием, и боеприпасами, и продуктами.

Первым из рейхстага пришел Кондрашов. Черный от копоти, пропахший дымом, лицо словно обгорело, телогрейка и кубанка (чего только не могли раздобыть разведчики!) прожжены.

— Что там, товарищ капитан? — спросил Жора.

— Знамя видел?

— Видел.

— А твой флажок, как сынок возле отца, — рядом.

— Ура! — закричал мальчишка.

— Значит, и ты воюешь наравне с героями. Кантария-то твоими патронами лестницу на крышу от немцев очистил, чтоб знамя поставить.

— А я еще приготовил. Смотрите!

Он показал на горку вещмешков, противогазных сумок, набитых патронами и гранатами.

— На столько патронов и фрицев не хватит, — пошутил офицер.

— Ну да. Их там, небось, тысячи.

Говоря о боях в рейхстаге, капитан упомянул, что бойцы страдают от жажды.

— И Шпрее рядом, да и через канал перебираемся, а воду не возьмешь. Запретили мы солдатам рисковать жизнью.

Пока капитан поджидал новое пополнение, чтоб вести его в рейхстаг, Жора, собрав связку котелков, бегом пустился к реке.

Кругом рвутся мины, вода кипит от взрывов, кажется, не подступиться и к берегу, а мальчишка, забыв об опасности, осторожно спускается к воде. Бежит обратно, пробирается в подвал. У повара раздобыл канистру, залил водой. И отдал капитану — для солдат в рейхстаге. «Еще с обеда осталась,— потупив глаза солгал мальчишка своему попечителю.— Пятнадцать литров, многих напоить можно».

Капитан ушел, а мальчика сморил поздний сон. Утром же его разбудил страшный грохот. Десятки немецких зениток вели огонь по дому Гимmlера, а тяжелые орудия били по нему из глубины вражеской обороны. Жора понял: рейхстаг был отрезан и здесь создалась критическая обстановка. Он пробежал в правое крыло здания и из окна увидел, как из парка Тиргартен траншеями перебегали немцы в черной морской форме, в бескозырках. А отсюда в них никто не стрелял: рядом с «максимом» лежал чернявый солдат с запекшейся кровью на виске.

Артеменков быстро проверил пулемет, прицелился и дал короткую очередь.

Противник засек пулеметчика. О стену, о побитые рамы окна пригоршей сыпанули пули. Мальчишка отодвинул пулемет в глубь комнаты, снова дал очередь и опять заставил немцев укрыться в траншее. На краю парка у разбитого тополя заметил — ствол зенитки ложится в его сторону. Артеменков и ее схватил в круг своего прицела, выпустил очередь. Уложив один расчет, стал высматривать другой, не теряя из виду и моряков. Тут артиллеристы закатали в комнату пушку, зарядили ее и выстрелили.

— Так-то оно лучше,— сказал Жоре высокий румяный капитан.— А ты молодец! Спасибо, теперь мы тут одни управимся.

Незаметно прошел день, а на другой вдруг все умолкло. Берлин капитулировал. Жора побежал к главному подъезду и увидел свой флажок, прикрепленный на стене высоко над входом в рейхстаг.

— Мой флажок! Победный!

Здесь, у парадного подъезда, много было и солдат и офицеров.

— Становись,— вдруг скомандовал Жора,— сфотографируемся на память в честь Победы!

И друзья повиновались юному воину. На первый план они поставили, конечно, его, Жору, а сами — Кондрашов, Кантария, Егоров и другие — встали сзади.

— Нам уже больше воевать, может, и не придется,— сказал мальчику капитан.— А тебе нести наше знамя дальше в жизнь, охранять мир на земле!..

НА РЕЙХСТАГ!

I

Уже давно наступило утро, но дым и гарь ночного боя все еще не рассеялись и площадь перед рейхстагом почти не просматривалась. Лишь когда в небо взлетают желтые ракеты, их скудный свет позволяет увидеть развороченную, бугристую мостовую.

В подвале здания министерства внутренних дел Германии совсем темно. Здесь, прямо на сыром каменном полу, вповалку крепко спят солдаты взвода младшего лейтенанта Литвака. Целый день и ночь они выбивали гитлеровцев из этого огромного здания, день и ночь непрерывно гремели его шесть этажей.

Не спит лишь командир взвода Литвак. Лежа на спине, он смотрит в темноту, думает, как поведет сегодня свой взвод на штурм рейхстага. На фронте он не новичок. Воевал снайпером, потом был контужен, а после госпиталя направлен в училище; и вот лишь неделю, уже офицером, снова на фронте. Попал в бой как раз на окраине Берлина.

А в городах воевать не приходилось, но сразу увидел: куда труднее, чем в снайперской засаде. Здесь что ни дом, то крепость, что ни улица, то огневой рубеж. Но с таким взводом, как у него, воевать можно.

Литвак встал, прошелся меж спящих. Вот его помкомвзвода Досычев, настоящая опора командира. Он словно чутьем на противника обладает: снайпера раньше всех заметит и снимет, пулемет вражеский уничтожит. В его руках и вражеское оружие без промаха бьет.

Командир отделения Зуев сладко спит, по-детски подогнув колени, положив голову на вещмешок, набитый гранатами. Зуев воюет осторожно, с оглядкой, любит действовать наверняка. Рядом с ним устроился рядовой Чебодаев, часто бесшабашный в бою, он порой неоправданно рискует. Вчера погнался за немцем на третий этаж. Тот отстреливается, а Чебодаев за ним во весь рост, словно заговоренный от пуль. И срезал-таки фашиста. А на замечание командира, что надо быть осторожнее, ответил: «Кто перепуганный удирает, тот метко не стреляет».

Остановился командир над своим солдатом Бурко. На фронте не новичок, да и возраст уже под тридцать, но со странностями: то бесстрашный, решительный, быстрый, то словно увянет, словно задумается или размечтается о чем-то... Вот достал где-то скрипку и уже третий день таскает ее с собой. И сейчас она у него из вещмешка торчит. А в общем-то надежный солдат, в бою за рейхстаг не подведет.

Литвак прошел к окну, посмотрел на площадь. Уже стало различимо огромное серое здание с массивными колоннами. Правда, дым наплывал на здание, и оно словно погружалось в серые волны. Затем снова выплывало со своими колоннами, окнами, наглухо заложенными кирпичом, с оставленными в них бойницами.

Из бойниц плескались короткие горячие вспышки, и гром, тоже короткий и резкий, докатывался сюда, до подвала.

— Рейхстаг, — услышал младший лейтенант несколько хрипловатый голос подошедшего командира роты Петра Греченкова. — Триста шестьдесят метров открытым полем, в лоб, как его брат придется, черта?

II

Пока батальон капитана Давыдова дрался за дом Гимmlера, на пятки ему наступали артиллеристы. Всю ночь до самого моста Мольтке — это более двухсот метров руинами и через воронки — они тащили на себе сорокапяти- и минометы, даже семидесятишестимиллиметровые орудия. И теперь множество их выставили против площади и рейхстага, против парка Тиргартен. Орудия и минометы стояли в воронках и возле углов зданий, в подъездах и даже на этажах — в комнатах, на балконах и лестничных площадках. Затаскивали их туда с большим трудом: по лестницам приходилось волочить боком, проламывать дверные проемы, а то и стены соседних комнат.

Наша войска в Берлине стягивались к рейхстагу под покровом ночной темноты. Но и с рассветом движение их не прекратилось. Через мост проскочило несколько танков, по улицам катили автомашины, груженные снарядами, прошли солдаты, неся в вещмешках патроны и гранаты. Пробудился и дом Гимmlера. Этажом выше, над взводом Литвака, затопали тяжелые солдатские сапоги, громыкнули ящики, а потом затрещали пулеметы, начали бить и пушки.

В подвале уже были все на ногах. Старшины раздавали диски для автоматов и гранаты-лимонки, повара раздавали суп, кашу, неизвестно где и каким чудом приготовленные ночью, командиры взводов получали последние указания. К окнам всем пробиться было трудно, так что смотрели по очереди, примеряли расстояние первого броска, выбирали свои тропы, запоминали препятствия. Ведь когда начнется

штурм, поздно будет присматриваться, выбирать дорогу, тогда что ветер лети вперед, сквозь огненную площадь.

К окну проталкивается и Бурко, и ему хотелось знать свою дорогу. А потом, когда построили отделения, чтоб еще раз напомнить, что взять с собою, а что оставить, рассказать об особенностях предстоящего боя, хватились: Бурко исчез.

— Где он? — спросил помкомвзвода сержант Досычев у командира отделения.

— Только что крутился здесь, — ответил тот.

— А может, у окна? — подсказал Зуев.

Первый раз, когда только что прибыло пополнение во взвод, новички отстали в Моабитской тюрьме. Досычев нашел их тогда там беспечно спящими на ворохе бумаг в подвале. Среди них оказался и Бурко. Сейчас он далеко не отошел. Досычев действительно нашел его у окна, он пристально рассматривал площадь. Когда помощник командира взвода сделал замечание солдату, что самовольно отбиваться от отделения нельзя, тот улыбнулся.

— А знаете, товарищ сержант, у фрицев тут множество зениток, — сказал он. — Смотрите, и перед нами, и справа в парке, и там вон, видите, у каких-то черных ворот. Вот если бы по этим зениткам шарахнуть, а? Как бы мы пошли!

— На то и пушки здесь, дорогой, — ответил Досычев. — Видал, сколько всего натащили. Так шарахнем, что пыль пойдет.

К солдату подошел командир взвода:

— Скрипку, — приказал он, — в бой не брать, может помешать. Бурко стоял неподвижно.

— Спрячьте скрипку здесь, после боя возьмете, — уже мягче сказал командир взвода.

С сожалением солдат развязал вещмешок, осторожно, словно что-то живое, достал скрипку и спрятал ее на перекладине под потолком... Затем стал в строй.

III

Гром мгновенно потряс землю. Над площадью встали облачка пыли, словно в котле забулькали фонтаны пара. Казалось, вся наша артиллерия из дома Гиммлера, и та, которая стояла возле дома, и за домом, во дворе, за Шпрее, обрушилась на вражеские позиции. Во мгле молниями сверкали вспышки, от дыма и пыли стало трудно дышать.

Притихли, насторожились солдаты. Одни курили, тихо разговаривали, другие ждали атаки молча, третьи подались к окнам — выскочить первыми, пока не опомнится немец, бежать вперед до конца, до рейхстага, а там все же как-никак не на открытой площади.

Командир батальона капитан Давыдов курит. Литвак заметил, как ярко вспыхивает огонек его папиросы, как глубоко он затягивается.

Рядом неподвижно стоит лейтенант Атаев, командир другого взвода. Невысокий, черный, коренастый, он кажется совершенно спокойным. Взвод Атаева первым идет на штурм. Неделю Литвак видел в боях лейтенанта и завидовал подчас его решительности и смелости.

За взводом Атаева пойдет и взвод младшего лейтенанта Литвака. Его ребята сбились вокруг своего командира. Каждый человек перед боем волнуется: страшно идти на смерть. Не все показывают это, но и не каждый может крепко держать себя в руках, однако долг обязывает идти, долг обязывает быть мужественным, достойным своей армии солдатом.

Ракета невысоко взвилась над площадью. Литвак не слышал ни команды, ни топота ног, ни брэнчания оружия. Он, пропустив вперед новичков, сам первым перед бывалыми солдатами выскочил из подвала.

Бежать было легко. Наш огонь отодвинулся в глубь немецкой обороны, гром как-то поутих, а противник пока молчал. К тому же Литвак видел и Атаева, который хорошо повел свой взвод, напористо. Солдаты его бежали энергично, враспынную, оставляя позади себя все большую часть площади.

«Так скоро будем в рейхстаге, — подумал Литвак, — расстояние триста шестьдесят метров! Пронестись с ветерком минуты за две, стремительным рывком. Это мгновение для сильных и ловких. А во взводе все ребята, как на подбор».

Младший лейтенант повернулся к солдатам, крикнул: «Вперед!» — хотя можно было и не кричать, так как солдаты и без того бежали быстро, только пыль взвивалась из-под их сапог, да и по дыханию Литвак понял, что бежать им было не трудно.

И вдруг вокруг стальной цепью зазвенели пули, впереди в клубах черного дыма сверкнуло пламя разрыва. Литвак успел увидеть, как лейтенант Атаев тут же упал на землю.

Мина резким звоном оглушила и Литвака. И он, едва добежав до трансформаторной будки, упал, запаленно дыша. Вдруг почувствовал, что пот неприятно защекотал спину, ручейками побежал по лицу.

Рядом у будки и в самой будке в разбитых сквозных дверях попадали и солдаты, правда, не всего взвода, часть взяла левее, укрылась в воронках и меж развороченных камней, но и здесь собралось до десятка.

— Рассредоточивайтесь! — приказал им командир взвода. — Для нас тут достаточно и одного снаряда.

Солдаты поползли вперед и в стороны, туда, где лучше можно было укрыться. Сам младший лейтенант двинулся левее, вперед, где заметил то ли окоп, вырытый еще немцами, то ли заброшенную канаву. Хотелось Литваку поднять голову, посмотреть, а что вокруг, что делается на Кенигсплац, да и надо было вытереть пот, который

заливал глаза, но пули дзинькали над самым ухом, не только голову, руку поднять было рискованно.

— Мало, еще мало,— горячо и взволнованно шептал командир взвода: ему казалось, что слабо поработала артиллерия по вражеским позициям. Он злился, что нельзя сразу если не в полный рост, то хотя бы пригибаясь пронестись к рейхстагу, победно завершить последнюю атаку и, быть может, даже захватить самого Гитлера.

Поднявшись, Литвак рванулся к канаве и скатился в нее. Рядом веером рассыпались пули, очевидно, канава была пристрелена где-то близко установленным пулеметом. Да и не только канава — вся площадь, как теперь понял младший лейтенант, была пристрелена немецкими пулеметами, которых стояло, пожалуй, несколько десятков впереди и по сторонам: в траншеях, дотах, да и в окнах-бойницах рейхстага.

В канаве Литваку показалось совсем тихо, сюда пули не залетали, не доставали и осколки. Опасно только прямое попадание снаряда или мины. И такое было вполне вероятно: огромное количество орудий и минометов стреляло по небольшому клочку земли — Кенигсплац.

Над канавой снова хлестнули пули, разрыв снаряда швырнул на бруствер комья земли.

Немецкие огневые точки были живучие. Конечно, фашисты не предполагали вести бой с русскими на этой площади, но тем не менее успели создать сильную, хорошо продуманную оборону. Чтобы преодолеть ее и овладеть рейхстагом, требовалось огромное мужество и военное мастерство.

IV

Грохот боя на площади не умолкал ни на минуту, и трудно было определить, откуда больше всего наваливалось сюда огня: со стороны рейхстага и парка Тиргартен или с нашей стороны, от дома Гимmlера и Шпрее. Литваку же казалось, что больше всего стреляют немцы, и он злился на своих артиллеристов: «И чего они выжидают? Ведь столько орудий натащили!» И вдруг понял, что ошибся, увидев вблизи себя три немецких зенитки, стволами уткнувшиеся в землю, они были разбиты нашими пушками, а другие зенитки не могли вести огонь: по ним в упор били пулеметы из окон второго этажа правого крыла дома Гимmlера.

— Товарищ младший лейтенант, смотрите-ка, фрицы тикают! — крикнул Досычев и прицелился в сторону траншеи. Фашистов, бегущих от орудия к траншее, очередью автомата срезал сержант. Литвак заметил у орудия двух немецких зенитчиков, полоснул по ним из автомата.

У соседнего орудия тоже мельтешили немецкие каски. Из окна второго этажа этих солдат не было видно, а отсюда, сбоку, они как раз оказались на прицеле. Литвак спокойно навел ствол автомата

и выждал, пока фрицы подымутся к орудию, чтоб его зарядить, а дождавшись, коротким огнем стеганул сразу по троиm.

— Как хотелось Бурко, чтоб мы шарахнули по зениткам, — сказал младшему лейтенанту Досычев, — и видите, уже сколько разбили их. Я насчитал более двадцати. Но там, в парке, зениток еще туча! Однако и до них добираются.

Ни пехотинцы, которые стреляли по зениткам с площади, ни пулеметчики, которые обстреливали зенитные орудия из дома Гимmlера, и не подозревали, что вступили в тесное огневое взаимодействие. От перекрестного огня не уйти было фашистам, и за утро их мощные боевые средства, которые прикрывали Альт-Моабитштрассе и мост Мольтке, через который прибывала к дому Гимmlера и на площадь наша техника и живая сила, были в основном подавлены. Литвак слышал, как откуда-то из-за Шпрее стреляли наши орудия и их снаряды густо ложились в парке.

Не знал в этот час Литвак, каких усилий, а главное, риска стоило пулеметчикам со второго этажа дома Гимmlера вести бой с немецкими зенитчиками. Да разве только с зенитчиками! Вся часть этой правой стороны Кенигсплац и парка Тиргартен, их траншеи и доты своим огнем стегали по массивным красным стенам дома Гимmlера. Ни снаряды, ни даже фаустпатроны, не говоря уже о бронебойных пулях, не могли их пробить. «Видать, на куриных яйцах построены», — шутили после пулеметчики. Одно уязвимое место было в доме — окна. Только прямым попаданием можно было поразить наших пулеметчиков. И поражали: то собьют пламегаситель, то разобьют пулемет, а то начисто выведут из строя весь расчет.

Из траншеи, что была перед рейхстагом, цепочкой стали перебегать фрицы к каналу, откуда можно было в лоб ударить по нашим бойцам, что залегли на площади. Одновременно фаустпатронники взяли на прицел окна пулеметчиков.

Литвак и его солдаты видели, как началась ожесточенная перестрелка. Пулеметчики первыми же очередями поразили немецких автоматчиков, затем обнаружили фаустпатронников и их загнали обратно в траншеи.

Досычеву, Чебодаеву, Зуеву и другим солдатам их взвода как на ладони был виден изгиб немецкой траншеи за каналом, и огнем своих автоматов они успешно помогли пулеметчикам.

— Думаю, если не всех гадов, то во всяком случае многих мы положили, — сказал друзьям Зуев, вытирая глаза, залитые потом.

V

Младшему лейтенанту не терпелось осмотреть площадь: как взвод, как укрыты его солдаты и чем они заняты. Сквозь дым ему виделась черная и тоже дымящаяся земля. Кое-где из воронок высовывались

головы солдат, стволы автоматов, одни солдаты просто лежали на земле, на открытом месте, чуть-чуть защищенные насыпью земли, камнями или подбитыми зенитками; другие осторожно переползали вперед, хотя вокруг рассыпались пули, рвались снаряды и фаустпатроны.

Среди его солдат были и убитые и раненые. Вон рядом сержанту Досычеву уже перевязывали плечо; за ним солдат, которого Литвак не распознал, уткнулся лицом в землю и не шевелился. Досычеву, вероятно, было больно, но сержант крепился, боясь, как бы командир взвода не отослал его, раненого, из боя.

— Товарищ младший лейтенант,— сказал он,— меня лишь маленько задело. Левая рука, что и правая, все может, буду воевать дальше.

— Хорошо, Николай,— согласился Литвак.

Досычев, сдерживая невольный стон, пополз в свою воронку.

Литвак хотел помочь, но не успел, словно черная тень накрыла его.

И в то же мгновение рядом с ожесточенным звоном лопнула мина.

— Ох, попало! — услышал командир взвода и по голосу узнал солдата Бурко.

— Что с тобой? — спросил младший лейтенант.

— Ранен. Разрешите вернуться в подвал.

Бурко зажимал рану, но кровь из-под пальцев била упрямым ручейком.

— Повремени чуток, может, утихнет огонь,— ответил командир.

Вокруг рвались снаряды и фаустпатроны, свистели пули, не пробиться было солдатам вперед, не пройти и обратно. Младший лейтенант понимал, что и оставлять раненого он не имеет права. И здесь в любую минуту его может настичь смерть.

— Повремени,— повторил он мягко, сочувственно посмотрев на солдата. Нос Бурко заострился, а лицо как будто выцвело, побледнело, с бровей и усов свисали капельки пота. Да, больно солдату, но как его отсылать в подвал, через такое пекло — убьют по дороге. В глазах раненого тоска и такая обреченная грусть, что командир взвода согласился:

— Возвращайся в подвал, Коля, да берегись. Берегись, браток.

— Я еще вернусь, товарищ младший лейтенант,— обрадованно сказал Бурко,— я еще сыграю на скрипке в рейхстаге.

И, упираясь на один локоть, другой прижимая к груди, раненый пополз как-то неудобно, кособоко, отталкиваясь коленями. А потом солдат будто нырнул в дым, снова показался, снова нырнул и так до самого дома, словно взбираясь на волны и проваливаясь между ними.

Перед домом Гимmlера только что отбушевал вражеский огонь особой силы: все грохотало, рвалось, гудело. Когда огонь несколько утих, Литвак понял, что произошло. Выскочивший с Альт-Мобитшрассе советский танк перед домом завязал неравный бой со всей

площадью и рейхстагом. И вот героический танк — черный, обгорелый — стоял напротив подвала, заслонив окно. Младший лейтенант видел, как раненый дополз до танка, вскочил, чтоб укрыться за ним, и тотчас сверкнуло пламя и до канавы донесся тяжелый гул взрыва. Что стало с солдатом, Литвак не знал тогда, не узнал и потом. И что Бурко хотел сыграть на скрипке в рейхстаге, талантлив ли он был, навсегда осталось тайной для младшего лейтенанта...

VI

Как долго гремела площадь от нашей артиллерии, пожалуй, ни Литвак, ни солдаты его взвода не знали. Впереди них бушевала огненная буря. Много раз за войну младший лейтенант слышал артиллерийскую канонаду, но такую слышать довелось впервые. Казалось, чудовищные молоты с яростной силой стучали по земле, словно стараясь разбить ее вдребезги.

Нервы у всех были напряжены до предела. Бойцы то приподнимались, следуя за огненным валом, который расчищал им дорогу, то снова прятались в укрытие. Досычев здоровой рукой взмахнул пистолетом, что-то крикнул солдатам. Потом он уполз вперед, броском возвратился, упал на битые кирпичи возле Зуева.

— Там дот, — сказал он, — смотри правее!

Ближе к рейхстагу был едва заметен серый броневого колпак, который метал огонь во все стороны. Зуев чуть-чуть высунулся из-за кирпичей, внимательно рассмотрел дот и подходы к нему.

— Как только двинемся, я подберусь к доту и заглушу гранатой, — сказал он.

— Как же ты сумеешь?

— Солдата три пусть зайдут справа и отвлекут внимание фрицев, а я поползу ложбиночкой. Видишь, вон той, слева, — сказал и упал, как подкошенный. Трассирующая пуля попала ему в голову.

Лежал Зуев, как и в подвале, по-детски подогнув колени, но тогда он спал, а теперь истекал кровью, лицо его все больше и больше мертвело.

Бог весть откуда рядом с командиром взвода появился Чебодаев, черный, в захватски сдвинутой на макушку пилотке, увешанный лимонками. Он присел на бруствер, оскалил свои некрупные белые зубы.

— Вот дает! — кричал он радостно, вслушиваясь в гром артиллерии. — Тут наших орудий уйма, а там, за Шпрее, их еще больше.

По площади, по рейхстагу, по всему вражескому передовому рубежу стреляли если не тысячи, то по крайней мере сотни советских орудий, минометов, «катюш»... Дом Гимmlера словно трясло, он выбрасывал множество язычков пламени.

— Главное — быстрота, — сказал младший лейтенант Досычев. — Пока немцы не придут в себя, надо быть там.

— Гляди-ка, после такой бани вряд ли кто уцелеет из них.

— Увидишь, сколько из-под земли фашистов выползет.

Артиллерия продолжала обстрел, ее огневой вал откатился в глубь вражеских позиций, над площадью взлетела ракета, и из дома Гимлера хлынул поток людей с криками «Ура!». Они бежали туда, где уже давно залегли наши солдаты, прижатые к земле огнем противника.

Литвак выскочил из канавы, высоко над собой вскинул автомат, закричал: «Вперед!» Он еще никогда не ощущал такого боевого порыва. Словно на крыльях летел. Людская лавина катилась за ним, устремленная к одной цели. Бежать равномерно, в четком ритме было трудно — вся дорога изрыта воронками, загромождена камнями, проволочкой, какими-то досками, кусками деревьев, трупами, касками и шинелями...

— За мной! — полуобернувшись к солдатам, снова возбужденно и протяжно крикнул Литвак, уже более отчетливо различая во мгле широкое и угрюмое здание, надеясь: еще усилие, еще рывок — и под ногами отзовутся каменные ступени рейхстага.

Но никто здесь, на площади, ни Литвак, ни солдаты его взвода не знали, что впереди им предстоит преодолеть довольно серьезную водную преграду — широкий и к тому же глубокий канал.

Нет, это был не канал, это тоннель, прорытый немцами открытым способом для строительства метро, а когда советские войска ворвались в Берлин, он по приказу Гитлера был затоплен водой из Шпрее.

Через канал, по всей вероятности, еще строители проложили трубу и две швеллерные балки. Одна из балок была изогнута снарядом. Младший лейтенант стремглав пробежал по этому мосту, упал за мешки с песком и цементом — баррикаду, которую соорудили фашисты. Пули сорвали верх мешков, осыпали Литвака белой порошей. Солдаты тоже залегли и рядом, и поодаль, в траншею, и вдоль берега канала. Многие успели его преодолеть.

Немцы снова взяли инициативу в свои руки. Они открыли огонь из всех окон и дверей рейхстага, из дотов, из танков, врытых в землю. Немногим более ста метров оставалось до главного парадного подъезда. Сто метров, но как их преодолеть? Мало здесь мужества, опять нужна помощь.

И помощь пришла скоро. Наши орудия начали бить по окнам, по куполу, по балконам, взрывы снарядов взламывали укрытия фрицев, подавляли их огневые средства.

Тем временем перебежками, ползком к каналу подобрался еще двое сержантов. Один из них держал наспех обструганное, покрашенное пунцовой краской древко, часть которого была обмотана плащ-палаткой, другой сержант с автоматом охранял его.

— Знамя! — крикнул Чебодаев, вскинув автомат.

— Вперед! — подал кто-то команду.

И люди в едином порыве бросились от канала, с баррикады, от траншей к парадному подъезду — к широким мраморным ступеням, над которыми вставали огромные колонны.

VII

Взвод младшего лейтенанта Литвака, как было и приказано ему, взял направление вправо, за угол здания, к депутатскому входу.

Литвак увидел рядом с собою парторга батальона старшего лейтенанта Каримджана Исакова, комсорга батальона Хакимджана Мамедова, солдат других взводов роты.

В узкий проход, на ступени, заваленные битым камнем, осколками скульптур, железом, первыми вскочили Досычев, Чебодаев, солдаты из взводов Атаева, старшего сержанта Лысенко.

Из полуразбитой двери эсэсовский офицер, укryвшись за проемом, в упор выстрелил в одного из сержантов, который первым ступил на порог. Солдаты разрядили автоматы и вбежали в коридор. Стреляя в темноту, они пробирались глубже в помещение и оказались в просторном вестибюле. Отсюда можно выбивать гитлеровцев из видневшегося впереди зала, взять на прицел все двери и балконы.

Зал проглядывался смутно, расплывчато вырисовывались его сводчатый потолок, а главное, горы мебели, принесенной сюда, вероятно, для постройки баррикады. За мебелью чернело множество дверей, и похоже было, что они вели в подвалы. Это угадывалось по тому, что там слишком оживленно сновали немцы и вели себя чересчур уж смело. Они подкрадывались к взводу Литвака и бросали гранаты.

— Пусть бросают, это нам не опасно, — заметил Досычев.

Действительно, гранаты не поражали солдат, так как рвались где-то между столами и шкафами. Но вдруг граната прилетела откуда-то сзади. Кого-то убило, кого-то ранило — в темноте послышался стон. Когда рассеялся дым, младший лейтенант понял, что противник действовал из люка, возле стены...

— Швырни-ка туда «лимончик», Чебодаев, — приказал командир взвода.

Чебодаев прополз к люку, швырнул в подземелье гранату. Где-то глубоко гулко прозвучал взрыв.

— Сквитались! — крикнул солдат.

Подошли наши огнемечки.

— А ну, ребята, поддайте жару фрицам, — попросил их Литвак.

— Это мы можем! — шуткой ответил один и подтащил огнемеч к люку. Огненная струя не уместилась в люке, отдала назад, чуть не обожгла самого огнемечика.

— Задрайте люк!— крикнул младший лейтенант солдатам, и они быстро захлопнули крышку. Больше этот люк не тревожил взвод.

Потом Литвак приказал занять круговую оборону. Это упрочило боевые позиции взвода: эсэсовцы уже не могли совершить внезапного налета.

Наши солдаты заняли круговую оборону у окон, дверей, лестничных маршей. Это оказалось крайне невыгодным для противника, особенно то, что русские заняли лестницу, а она связывала зал с подземельем, с верхним этажом. И немцы старались ее отбить.

Здание гремело от непрерывной стрельбы. Гитлеровцы нападали отовсюду. Им куда легче было здесь, в знакомых помещениях. В темноте на ощупь они без труда находили нужные двери, знакомые повороты. Советским же воинам все было новым. Тем не менее они не только держались, но еще и навязывали противнику свою тактику боя.

Ночью взвод в основном оборонялся, не пытаясь предпринимать наступление. Но все равно и в обороне было мучительно трудно — от усталости резало глаза, хотелось спать, хоть на часок сомкнуть веки. И младший лейтенант разрешил солдатам поспать по очереди.

— Давай, браток, привались маленько,— говорил он то одному, то другому, сам оставаясь на боевом посту.

VIII

Утром бой разгорелся с новой силой. Гитлеровцы, конечно, лучше отдохнули — они дома. В рейхстаге их тысячи. Но за ночь и советских солдат стало куда больше. Если первоначально сюда ворвалось две, и то неполные роты, то вечером и особенно ночью пробрались целые батальоны, притащив с собой и солидный запас патронов, гранат, продовольствия.

Утром гитлеровцы стали активно нажимать. И не только в самом рейхстаге. Они пытались отрезать его от дома Гиммлера, перехватить площадь. С этой целью со стороны парка и Бранденбургских ворот вышли танки и самоходки с крестами.

Литвак проверил все посты, расставленные им еще с вечера, приказал внимательно следить за противником, сбивать его всюду, где бы он ни появлялся. Из дверей и окон хорошо просматривался наружный сектор обстрела. Солдаты сразу заметили немецкую самоходку и тотчас же доложили командиру взвода:

— Целится прямо в окно!

«Так,— подумал младший лейтенант,— замысел противника ясен: снаружи ударит самоходка, а здесь, изнутри, эсэсовцы нажмут». Позвал Досычева.

— Отправь на окна бойцов с пэтэрами,— приказал он,— пусть подпустят поближе, чтобы наверняка...

Самоходка шла осторожно, словно приглядывалась, выбирая цель. Вверху, на балконах, появились фашисты, готовые гранатами забросать вестибюль. Но посты вовремя заметили врагов, опередили их: залпом, длинными очередями сбили гитлеровцев, их трупы упали на развороченный пол вестибюля.

И снаружи завязался бой. Самоходка успела ударить по рейхстагу, снаряд попал в стену. Пэтэрровцы ответили огнем, и она торопливо, не дожидаясь, пока по ней откроют огонь и пушки от дома Гимmlера, развернулась и ушла обратно. Немецких солдат, которые шли за ней, накрыл огонь автоматчиков, стрелявших из окон.

— Наша берет! — крикнул кто-то из них.

— Продолжайте вести наблюдение! — приказал Литвак пэтэрровцам.

Загнанные на верхние этажи и в подвалы эсэсовцы метались, как в мышеловке. Стараясь вытеснить русских из рейхстага, они стали сверху разбрасывать термитные заряды. Загорелась мебель, огонь быстро охватил весь зал.

— Держать оборону и гасить пожар! — приказал Литвак командирам отделений. Вместе с солдатами он хватал с окон мешки с песком, уложенные еще гитлеровцами перед бойницами, и забрасывал пламя.

Но пожар не утихал. Занялись двери и окна, перила и столы — все, что могло гореть. Дым заволок зал, комнаты и коридоры.

Нечем стало дышать, жар обжигал лицо. У кого-то загорелась шинель. Оставив пулеметный расчет у входа в зал, младший лейтенант приказал солдатам отойти вниз, ближе к вестибюлю.

— Досычев, — позвал он помощника, — проверьте посты, особенно на выходах. Напомни, чтоб следили за противником, как бы немцы не пробрались в круглый зал. Пусть Чебодаев прочешет еще разок огнем фашистских снайперов, тряхнет их на балконах.

IX

Которые сутки пошли без сна и отдыха для наших солдат. Младшему лейтенанту казалось, что он совсем не спал вот уже десять дней — все урывками, все на ходу. Есть ли предел такой стойкости? Говорят, человек держится без еды сорок девять дней. А без сна? Без сна он теряет сознание, становится невменяемым.

В рейхстаге советских воинов еще мучила и жажда. Нашли поблизости водопроводную колонку, набрали воды в котелки, а донести не смогли: бьют фашисты из окон подвала, с площади.

— Держитесь, ребята, — успокаивает солдат командир взвода, — теперь уже скоро.

В полночь Леонида Литвака вызвал командир роты.

— Выходите из помещения, — приказал он, — займите оборону слева, вдоль железнодорожной ветки, которая подходит к рейхстагу.

— А что такое, товарищ лейтенант?— осмелился спросить командир взвода.

— Немцы запросили парламентаров. Не стрелять и не спать, быть начеку. Не исключена провокация. Держите под прицелом подступы к рейхстагу!

Ночь медленно светлела. Острее чувствовалась прохлада, легкий туман холодной влагой садился на лицо.

Вдруг в темное небо взлетели ракеты. Серия белых, красных, зеленых ракет. И сразу оборвался гром боя, умолкли и площадь, и рейхстаг, и улицы. Затаили дыхание и люди.

— Что оно будет?— вслух подумал Досычев, сидя на бруствере ячейки.

Парламентары шли навстречу друг другу с двух сторон. От правого угла рейхстага — представители дивизии, от Бранденбургских ворот — представители немцев.

Теньями скользили расплывчатые фигуры. Они сошлись где-то во мраке и растворились. А солдаты ждали.

По-прежнему стояла тишина, таяла темнота, наступал рассвет. Из полумрака все отчетливее выступали здания и деревья, танки и орудия, траншеи и доты. Но не трещали в этой мгле автоматы, не стучали пулеметы, не гремели орудия, не вспыхивали огни, не подстерегала фронтовая земля смертельной опасностью.

Дежурят солдаты, ожидая и сомневаясь, все еще не веря, что это может быть конец.

И вдруг стрельба: строчат автоматы, бьют орудия. Но это не боевые выстрелы — это салют Победы. И всюду радость, смех, ликование. В воздух летят пилотки, солдаты обнимаются.

Сколько людей свела Победа, кто только не приехал на эту площадь чтобы принести свое уважение, свою признательность победителям, поклониться им в пояс! Ведь это они разгромили коричневую чуму, это они внесли главный вклад в дело освобождения народов Европы.

Кажется, здесь собрались люди всех национальностей: и поляки, и чехи, и болгары, и румыны, и итальянцы, и французы. Даже немцы, и те сегодня поняли справедливость Победы.

А победители едва держались на ногах. Усталость и бессонница валили их с ног, и они ложились тут же, у своих стрелковых ячеек и пулеметов, орудий и танков, и сразу же засыпали.

А пленные все шли и шли из подвалов рейхстага. Они сбрасывали в кучу, как дрова, оружие и выходили на дорогу, щурясь от света. Сколько их было, в то время вряд ли кто мог сосчитать: может, тысячи, а может, и десятки тысяч. Нескончаемая колонна все тянулась, все вилась, все уходила от рейхстага к Бранденбургским воротам и скрывалась где-то между разбитыми кварталами города.

В это утро и солнце пришло к победителям. Оно сначала обласкало своими лучами кумач Знамени Победы, которое легко развевалось на ветру на самой высокой точке купола рейхстага, и затем озарило землю. И все вокруг покрылось золотом, засияло, загорелось ярким светом.

А день уже набирал силы, первый день тишины и человеческого счастья — день 2 мая 1945 года, золотая строка в летописи истории победы русского оружия над самым сильным и коварным врагом — немецким фашизмом.

ПАРЛАМЕНТЕРЫ

30 апреля в полдень, точнее, в 14 часов 25 минут, роты Ильи Сьянова, Петра Греченкова и группа разведзвезда лейтенанта Семена Сорокина первыми ворвались в рейхстаг. Сразу они начали теснить эсэсовцев, загнали их на верхние этажи и в подвалы. Сегодня, утром 1 мая, противник выбросил белый флаг.

— Комендант рейхстага хочет встретиться с русским генералом или полковником! — кричал с лестницы, ведущей в подвал, эсэсовский офицер.

В рейхстаге советского офицера старше майора Соколовского не было, но командование ему не разрешило оставлять свое подразделение.

— Снарядим лейтенанта Береста, — решил Соколовский.

Лейтенант высокий, красивый. К тому же из самых храбрых и находчивых.

Одели лейтенанта в кожаную тужурку, на плечи — плащ-накидку, политотделец капитан Матвеев отдал ему свою новую фуражку с ярким красным околышем. Получился полковник хоть куда. Адьютантом вызвался с ним идти комбат капитан Неустров, у которого Берест был замполитом, а переводчиком взяли солдата Прыгунова, два года пробывшего в фашистских концентрационных лагерях.

Майор Соколовский благословил парламентаров на успешный визит. Лейтенант Герасимов, командир пулеметной роты, установил перед лестницей подвала пулемет и на всякий случай во все горло, чтобы слышали эсэсовцы, скомандовал: «Пулеметная рота, готовься к бою!» Бойцы приготовили гранаты.

Долго спускались парламентары по трем маршам длинной лестницы. Внизу их остановил эсэсовский офицер, открыл тяжелые дубовые двери и пригласил парламентаров следовать за ним.

В сравнительно невысоком и душном коридоре по правую и левую стороны стояли двухъярусные металлические койки, между ними

толпились вооруженные автоматами эсэсовцы. Неустроев держался позади своего замполита, бросая иногда взгляд на его широкие, богатырские плечи, массивную и в то же время легкую фигуру. Берест шагал спокойно, уверенно. Хорошо держался и переводчик.

Прошли один коридор и по металлической лестнице спустились во второй, тоже переполненный эсэсовцами. Наконец парламентаров подвели к обитой железом двери. Часовой в морской форме распахнул ее. В кабинете за большим столом сидел фашистский полковник — пожилой, сухощавый, в надвинутой на лоб фуражке. Полковник встал, небрежно закинул руки за спину, видимо, стараясь показать, что хозяин здесь он.

Парламентар принял стойку «смирно», четко и лаконично представился:

— Командир семьсот пятьдесят шестого стрелкового полка полковник Берест.

Эсэсовец щелкнул каблуками и тоже представился:

— Помощник коменданта рейхстага полковник великой армии фюрера...

Берест не разобрал имени: его сбили слова «великой армии». Странновато они звучали в подвале рейхстага.

— Сдавайтесь! — крикнул эсэсовец. — Нас в рейхстаге тысячи, вас здесь полсотни. Не сдадитесь — уничтожим.

— Все равно вы обречены, — спокойно ответил русский «полковник». — Берлин уже занят Советской Армией, а если вы расправитесь с нами, парламентарями, то пощады не будет никому из вашего гарнизона.

Берест говорил спокойно, уверенно. Фашист выслушал и, ничего не ответив, выскочил из кабинета. Ушли офицер и переводчица.

Остались только часовые.

Медленно тянулось время. Часовые отсчитывали шаги: один — от стены до стены по кабинету, другой — возле двери в коридор.

Наконец возвратился помощник коменданта. Он занял свое прежнее место за столом и с торжеством в голосе заявил:

— Рейхстаг отрезан! Сдавайтесь, все равно вам уже не вырваться из ловушки.

Это была правда. За последний час фашисты сумели усилить свой левый фланг, подтянуть танки, самоходки, живую силу и перехватить путь от дома Гимmlера к рейхстагу. Это им удалось сделать, как потом оказалось, всего на каких-нибудь полтора-два часа.

Выслушав помощника коменданта, советский «полковник» не смутился.

— Даю четверть часа, — решительно произнес он. — Не сложите оружие — пеняйте на себя. — И направился к двери. Часовые пропустили парламентаров. Они возвращались так же, как шли сюда. Вперед Берест, за ним Неустроев и переводчик Прыгунов. Вслед русским смотрели ненавидящие глаза. Отборной банде Гитлера терять

было нечего. Но парламентары ступали твердо, чеканили шаг, как на параде.

Миновали один, затем другой коридор. Вот и лестница наверх. Когда поднялись на ее второй марш, вслед загремели выстрелы. Стрелял эсэсовец, сопровождавший парламентаров. К счастью, промахнулся. Берест на лету поймал два брошенных ему сверху бойцами пистолета, тут же ответил огнем.

Снова завязались ожесточенные бои. Стреляли из люков, подвалов, с верхних этажей, наполняя громом огромное здание. Бои велись весь день и почти всю ночь. А на рассвете 2 мая колонна грязных, притихших эсэсовцев, сдаваясь в плен, потянулась из рейхстага к Бранденбургским воротам на пункты сбора.

В КАБИНЕТЕ ГИТЛЕРА

Мы сидим за огромным дубовым столом в комнате, которую солдаты называют кабинетом Гитлера, в рейхстаге. Высокие стены и потолок, двери и окна уцелели от пожара, хотя кое-где покрылись копотью. Огонь не коснулся и портрета фюрера в позолоченной раме, который висел на стене при входе. Теперь рама пуста: солдаты выдрали портрет штыками, растоптали его.

В кабинете и капитан Давыдов. Его батальон вместе с батальоном капитана Неустроева первым ворвался в рейхстаг. Давыдову еще нет тридцати. До войны был учителем у себя в Сибири, а потом окончил военное училище. На фронте он стал опытным боевым офицером.

Смугловатый, с темными умными глазами, Давыдов выглядит сегодня празднично. После тяжелых боев успел уже побриться, привести себя в порядок и теперь блаженно отдыхает.

Перед окном стоит старший сержант Егоров, или, как мы звали его, Миша Егоров, невысокий, ладный, с румяным добрым лицом, щурится от света и потому кажется хмурым. Это он вместе с младшим сержантом Кантария водрузил Знамя Победы над рейхстагом. Имена их сразу стали известны всему миру, а вот в лицо еще мало кто знал героев.

В кабинет приходили корреспонденты и писатели, кинооператоры и делегации от частей и соединений. Все хотели увидеть логово бесноватого. Шли сюда и иностранцы — поляки, чехи, болгары, румыны, французы.

Мы старались удовлетворить их любопытство, как могли отвечали на вопросы. Увешанный фотоаппаратами средних лет иностранец и с ним элегантная женщина с пышной копной каштановых волос оказались корреспондентами какой-то римской газеты. Они сносно говорили по-русски.

Капитан Давыдов пригласил гостей сесть, приготовился отвечать на вопросы.

— Наши партизаны, как известно, поймали Муссолини и повесили, — сказал итальянец. — А вы, я слышал, спрятали Гитлера, говорите сенсацию. Собираетесь судить его в Москве?

Капитан улынулся, но промолчал.

— Впрочем, сейчас много ходит слухов по этому поводу,— продолжал корреспондент.— То Гитлер улетел в Бразилию, то он тоннелями бежал из Берлина и скрывается в Южнотирольской крепости, то сделал себе пластическую операцию и его не узнать...

Капитан пожал плечами:

— Говорят...

— А как по-вашему, у Гитлера есть двойники?— спросил корреспондент.

Тут в кабинет вошел младший сержант Кантария, и мы все дружно засмеялись. Капитан Давыдов представил героя корреспондентам. И с улыбкой сказал, что он ответит на заданный вопрос. Дело в том, что разведчик Кантария, прежде чем водрузить знамя на рейхстаге... поймал самого Гитлера!

...Это произошло в одном из районов Берлина. На командный пункт полка Кантария привел перепуганного немца и торжественно объявил:

— Гитлер!

Действительно, перед нами был человек, очень похожий на фюрера,— такой же широконосый, с щепоткой усиков, с челкой на лбу.

Пленный, заикаясь от волнения, объяснял, что он не Гитлер и даже не солдат, а гражданский немец, имеющий несчастье походить на Гитлера, что его сделали двойником фюрера ради безопасности Гитлера.

...В открытую дверь донесся нежный напев трубы, обрывок песни: это в глубине коридора в дальней комнате артисты Большого театра, приехавшие в Берлин, готовились к концерту. Прислушался было и итальянец, но тут в дверь вошел лейтенант Берест, крупный, плечистый, заслонив собой проем двери.

Корреспондент отскочил в сторону.

— Знаменосец?— спросил он, щелкнув фотоаппаратом.

С чего он взял, что лейтенант знаменосец, никто из нас не знал, но итальянский корреспондент пояснил:

— Говорят, вы знаменосцев выбирали из силачей — крупных, атлетически сложенных, чтобы не стыдно было со знаменем пройти по Красной площади.

Действительно, Берест был красавцем и силачом. Но почему итальянец решил, что со знаменем, которое развевается на рейхстаге, пойдут по Красной площади?.. А может, это знамя навсегда останется на куполе и будет служить грозным предостережением всем агрессорам.

Тут и итальянская корреспондентка обратила внимание на Береста и спросила: правда ли, что знаменосцы сбрасывали гитлеровцев с крыши.

Все, кто был в кабинете, рассмеялись.

Итальянка тоже засмеялась, не сводя глаз с русского богатыря.

— Вы несли знамя к рейхстагу? — допытывалась она.

— Все мы несли, — ответил лейтенант.

— Знамя Победы несли не только Егоров и Кантария. Знамя несли и вот они. — Он указал на нас шестерых, сидевших за столом. — Вот он, лейтенант Козлов, он — младший сержант Щербина, он — старший лейтенант Исаков, он — старший сержант Хабибулин, короче говоря, весь батальон капитана Неустроева и мой батальон, полк Зинченко и полк Плеходанова, вся дивизия и армия, весь советский народ — все трудились для Победы.

Она еще хотела что-то спросить, но тут в кабинет вошел бывший его хозяин, Гитлер собственной персоной.

— Ой! — испуганно вскрикнула итальянка. Да и все мы, по правде говоря, не сразу поняли, что происходит, выскочили из-за стола, а сержант Егоров быстренько вскинул автомат.

— Не стреляй! — испуганно закричал «Гитлер». — Я же артист. Просто буду играть роль фюрера. Для вас спектакль репетировали. Идите в зал, там уже собираются.

Все рассмеялись. Итальянка подхватила под руку Алексея Береста, и мы отправились на концерт.

ГОРБАТОВ В БЕРЛИНЕ

Стояли прекрасные майские дни. Окончив бои в рейхстаге, 150-я стрелковая ордена Кутузова 2-й степени Идрицкая дивизия вскоре передислоцировалась в лесной парк на дачу Геринга — это немного более чем за пятьдесят километров от Берлина.

В подразделения снова вернулась обычная армейская жизнь. Командиры проводили занятия с личным составом, а вечерами и в воскресные дни организовывались различные спортивные соревнования, концерты художественной самодеятельности, купание на озере.

Не верилось воинам, что снова наступила мирная жизнь. Дорого досталась она советским людям, много жертв принесли они ради Победы! В дивизии всю войну и особенно на завершающем ее этапе героически дрались все полки, многие их воины покрыли себя неувядаемой славой.

Поговорить с героями битв, расспросить их о сражении в Берлине и прежде всего о штурме рейхстага в дивизию прибыл писатель Борис Горбатов.

Было тихое, теплое утро. Над камышовой крышей охотничьего дома Геринга, в котором расположился командир дивизии со своей службой, на ветвях деревьев резвились белки. Над озером кричали чайки. Хрустя по песку пляжа, в небольшой кирпичный домик сходились офицеры и солдаты, рассаживались в уютном зале.

Хорошо выбритые и приодетые, как они были непохожи на тех воинов в копоти и ожогах, которые в пылающем рейхстаге не на жизнь, а на смерть бились за каждую его комнату и коридор, лестничную площадку и этаж, выбивая оттуда гитлеровских бандитов! Теперь они чувствовали себя здесь неуклюжими, не зная, куда положить свои сильные, натруженные войной руки. Когда вошел командир дивизии генерал-майор Шатилов, все поднялись.

В белой гимнастерке с золотыми погонами генерал выглядел торжественно. Вместе с ним вошел и подполковник, почти такого же роста, но плотнее и крепче.

— Товарищи, к нам в гости приехал писатель Борис Леонтьевич Горбатов, — сказал командир дивизии. — Многие из вас встречались с подполковником при штурме рейхстага. Вы видели его в доме Гимmlера, в боевых операциях на Королевской площади, со многими из вас он познакомился еще там. Теперь Борису Леонтьевичу хотелось бы в спокойной обстановке поговорить с вами о событиях завершающей битвы.

Горбатов повесил фуражку на гвоздь, вытер платком свою бритую голову, сел за ничем не покрытый столик, положил на него свою маленькую записную книжечку в розовом пухлом переплете, прищурил быстрые, близорукие глаза, осмотрел зал.

— Что ж, начнем, — предложил он и улыбнулся.

Собравшиеся оживились.

— Начинать надо с битвы за мост, — сказал полковник Зинченко, командир 756-го стрелкового полка. — Взять его могли только одержимые. Ведь мост обстреливала, можно сказать, вся армия Гитлера: тысячи пулеметов и фаустпатронов, целые батареи орудий. Кроме того, Гитлером были вызваны с Балтики моряки. Их на транспортных самолетах доставили из военно-морской школы города Ростка и высадили на аэродроме Темпельхоф. Да и на самом мосту построены баррикады, на берегу — завалы, которые не так-то просто было взять.

Горбатов отодвинул в сторону записную книжечку и, казалось, совсем забыл о ней, подавшись вперед, внимательно слушал. При этом лицо его светилось каким-то внутренним светом, располагая к себе рассказчика.

И Зинченко, увлекшись воспоминаниями, как бы вновь переживал недавние бои, называл имена героев, старался передать их настроение и тот яростный порыв, который тогда владел им да и всеми нашими воинами.

Потом говорили и другие, говорили о танках, которые прошли по мосту, пробитому с правой стороны тяжелым снарядом, о товарищах, которые совершили подвиг, и о погибших.

Слушая их, я тоже вспомнил утро 29 апреля. Сотни разнокалиберных орудий гитлеровцев, расставленных на Кенигсплаце и в глубине парка Тиргартен, плотным огнем обстреливали дорогу и мост Мольтке.

У моста и на мосту горели танки, автомашины, груженные снарядами. Задыхаясь в дыму, обожженные бойцы сбивали пламя. А снаряды рвались на берегу и в воде, но уничтожить мост не могли. Тогда немцы применили осколочные снаряды. На улицу и мост брызнула шрапнель.

— Погибнем здесь! — крикнул один из танкистов, укрываясь под броней.

— Мост одолеть надо, ребята! — услышали они чей-то властный голос и увидели перед собой генерала.

Сам генерал на мосту! И будто веселее заурчали моторы. Дружно оттащили с дороги горевшие машины, рванулись вперед.

А позже генерал снова, перебежав мост, направился к зданию Швейцарского посольства, к танкам, прижавшимся к стене, постучал по броне.

— Что, застряли, ребята? — спросил он танкистов. Нет, не ругал генерал солдат. Долгий путь прошли они до Берлина, не один совершили подвиг, умели выходить из трудной обстановки. И здесь они преодолеют вражеский заслон, но пока не собрались, пока не нашли своего решения. — Вы все-таки за броней, — продолжал командир дивизии, — а как пехота без вашей помощи?

— Три экипажа попробовали, товарищ генерал, и сгорели живьем, — отозвался механик одного из танков, — десятки зениток только по дороге хлещут, не дают нам ходу.

Генерал прошел с танкистами до угла здания, показал на площадь.

— Видите, откуда бьет? Здесь нельзя подставлять бока, а идти надо по диагонали, на угол площади, брать правее.

Танкисты оживились.

— Огонька бы нам, товарищ генерал.

— Огонька дадим. В одиннадцать ноль-ноль начнется артиллерийский налет, тогда и выскакивайте...

С пристальным вниманием слушал писатель рассказы о форсировании моста. Когда зашла речь о доме Гиммлера, поднялся уже немолодой капитан Лебедев и стал рассказывать об артиллеристах, которые огнем поддержали атаку пехоты на рейхстаг.

Говорил он сухо, без особых подробностей, но Горбатов выслушал его очень внимательно, с особым уважением. И я понимал это. Дело в том, что, находясь во время боев в доме Гиммлера, писатель сам был свидетелем четких действий артиллеристов, взаимодействия их

с пехотой. Особенно восхищался он стрельбой из семидесятишести-миллиметровых орудий расчетов сержанта Николая Хабибулина и Николая Бердникова.

Первый снаряд по куполу рейхстага, откуда бил крупнокалиберный вражеский пулемет, послал Николай Хабибулин.

Много фамилий назвал капитан, много привел волнующих примеров храбрости, отваги артиллеристов и наблюдателей. Горбатов слушал внимательно, с большим интересом. А на другой день мы, несколько солдат и офицеров, вместе с Горбатовым отправились в Берлин на место последнего боя.

Здесь мы обстоятельно познакомились с маршрутом, по которому капитан Неустроев и капитан Давыдов вели свои батальоны к Победе.

Особенно взволновала Горбатова самоотверженная, решительная отвага старшего сержанта Петра Пятницкого. Когда, казалось, не в силах было взять мост Мольтке, он первым вызвался повести взвод и успешно перебрался на левый берег Шпрее.

Надо было прокладывать и дорогу от дома Гимmlера к рейхстагу. Во всех ротах и батальонах, во всех стрелковых, артиллерийских полках нашлись смельчаки, чтоб пробиться через огненный котел Королевской площади и поставить флажки в парадном подъезде рейхстага.

И здесь первым вызвался Петр Пятницкий. Вместе с младшим сержантом Петром Щербиной он пошел от своего 756-го стрелкового полка, которым командовал полковник Зинченко. От 674-го полка подполковника Плеходанова пошел разведвзвод лейтенанта Сорочкина.

Они бежали и падали, переползали и снова подымались. Вокруг них свистели пули, гремели снаряды, металась взрывы.

Мы видели тогда из полуподвального окна дома Гимmlера кипящий огонь, видели упорство героев, с которым они отправились на подвиг.

Петр Пятницкий и Петр Щербина сумели все-таки достичь парадного подъезда. Но Петр Пятницкий не успел ступить и на третью ступеньку, как вражеский пулемет насмерть срезал его. Флажок друга подхватил младший сержант и вместе со своим прикрепил на стене — над дверью рейхстага.

Долго и трудно пробирались вперед разведчики. Свой флажок они установили на левом выступе парадного подъезда над самыми ступенями.

Негласное соревнование — кто первый водрузит Знамя Победы на рейхстаге — развернулось и между полками. В полку Плеходанова группа разведчиков во главе с заместителем командира полка по политчасти майором Субботиным пыталась пронести знамя, изготовленное своими руками. Но осколками фаустпатрона многие из них были тяжело ранены, в том числе и Субботин. Все равно герои не

остановились. Их повел командир взвода разведки полка лейтенант Семен Сорокин. Они преодолели трудный путь сквозь огонь и смерть и вместе с ротами, вместе со знаменосцами Егоровым и Кантария водрузили полковое знамя.

Каждый, кто достигал рейхстага, старался поставить свой флажок. Алыми маками они польхали на серых камнях здания — колоннах и выступах, на стене и просто на ступенях.

Горбатов шел по героическим местам, слушал рассказы участников штурма и, видимо, гордился ими: какая сила таилась в советских воинах, как непреклонна была их воля к победе!..

Борис Леонтьевич крепко сжал мой локоть и, улыбаясь, предложил:

— Заберемся-ка на крышу рейхстага и посмотрим, как оно было.

На огромном, когда-то стеклянном, а теперь разбитом куполе заметнулся победный алый стяг. Борис Горбатов спросил Мелитона Кантария:

— Страшно было?

— Как на Эльбрусе.

— Как же?

— Казалось, будто ты горный орел. Все перед тобой, весь мир. И паришь, будто на крыльях.

Писатель покачал головой.

— Поэт! — восхищенно заметил он.

Долго мы пробыли на крыше, взбирались на башни, смотрели вниз, и холодок пробежал по спине. Страшно на такой высоте, а тем более перед открытой площадью и берегами реки, откуда тогда стреляли сотни орудий и минометов, чтоб сбить знамя, уничтожить знаменосцев. Но победила храбрость героев, их бесстрашие.

Не раз осколки попадали в знамя, перебивали его древко, но разведчики тут же выскакивали из укрытия, и знамя вновь развевалось над рейхстагом.

Правда, была и небольшая оплошность со стороны Егорова и Кантария. Укрепив знамя в руках всадника, они хотели было сбежать вниз и доложить командованию, что знамя на рейхстаге, но по пути их остановил один из бойцов и с усмешкой упрекнул: «Это что же, братцы, ради чего ж мы воевали? Чтоб отдать знамя в руки какого-то вражеского всадника? Я побегу, переставлю его выше!» «О-о, нет, дружок, — возразил Кантария, — за замечание спасибо, а переставить уж мы сами переставим». И они снова вернулись на крышу и ждали вечерней темноты, чтобы подняться на купол и там установить знамя.

Сейчас знаменосцы рассказывают об этом весело, а каково им было тогда проделывать все это под огнем врага!

Покидая рейхстаг, мы задержались на его ступенях.

— А знаете, товарищ подполковник,— обратился к Горбатову сержант Петр Агарков,— что тут произошло в первый день после боев?

— Что?— сразу заинтересовался писатель.

— Вот здесь, на ступенях как раз, фотографировались артисты с нашим генералом,— живо начал рассказывать Агарков.— Тем временем я заглянул в подвал по нужде и чувствую, что в темноте кто-то прячется, хотел чиркнуть из автомата, но слышу голос, а затем выбегает мне навстречу фашистский майор, весь грязный, заросший, с поднятыми руками. Я тут же его наверх, к генералу.

— Где взял?— спрашивает он.

— В подвале, выжидал, видно.

— Что выжидал?

— А когда закончатся бои.

— Дезертир, значит. Не нужен он нам! — сурово бросил генерал и указал на Шпрее, где немки разделявали убитую лошадь.— Пусть идет к ним и расскажет о своих подвигах.

Майор, сбиваясь с шага, уходил неуверенно, оглядывался, все думал, а не выстрелят ли ему в спину, но перебежал мостик, остановился, услышав гневные голоса женщин, и со всех ног драпанул обратно.

— Они сумасшедшие, они могут растерзать меня!— захлебываясь, говорил эсэсовец, умоляюще глядя на русского генерала.

— Отправляйся в комендатуру! — презрительно приказал ему генерал и отвернулся. Майор затравленно оглянулся, и вдруг, если бы только видели вы, товарищ полковник, как он дал стрекача! Прыгал по камням и воронкам, а вслед ему улюлюкали все, кто был на площади. И не столько наши, сколько собравшиеся иностранцы и даже немцы, все кричали и свистели вслед фашистскому майору...

Вечером писатель попросил меня показать ему охотничий замок Геринга. Мы прошли по залам и коридорам, бесшумно ступая по серому, мягкому паласу, задержались на втором этаже. Здесь в большом помещении никем не тронутые на стеллажах лежали тысячи томов книг, альбомов, а на стенах висело множество фотографий и картин, награбленных в разных странах Европы.

Записывал Горбатов мало. Лишь делал заметки в своей розовой книжечке. Написанным он ни с кем не делился, и быть может, и я бы не знал об этих заметках, если бы он не попросил кое-что уточнить.

Записи были крайне скупы. Вот, например, как он описал бои в рейхстаге:

«...Гранатный бой в подвалах. Много подземных ходов. Немцы знают все ходы, а мы нет. «Левая комната» загорелась. Бои за комнаты. Весь коридор простреливался. Шкафом заставили дверь. Вроде баррикады. Загорелась еще одна комната. Опять вспыхнула обгорелая лестница. Другая лестница отделена огнем: с одной стороны огонь, с другой — немцы».

— Постараюсь написать если не роман, то повесть. Документальную, разумеется,— сказал Борис Горбатов.— Эта вещь вдвойне будет сильнее любой придуманной. Ведь здесь что ни человек, то герой, что ни шаг, то подвиг.

Целую неделю пробыл писатель с нами. Много он расспрашивал героев, внимательно слушал, читал номера нашей дивизионной газеты, писавшей о штурме рейхстага.

В последний день перед отъездом командир дивизии пригласил его на обед, устроил писателю теплые проводы.

Едва сели за стол, зазвонил телефон. Генерал взял трубку, приказал:

— Немедленно примите все необходимые меры. В помощь саперам пошлите пехотинцев.

Положив трубку, сказал:

— Безобразей! Развели костер, ушли, как следует не затоптали. Загорелся лес.

— Народное достояние надо беречь,— задумчиво проговорил Борис Леонтьевич, а потом, улыбнувшись какой-то своей мысли, добавил: — Я, прежде чем написать повесть, сделаю очерк о людях вашей дивизии, а он,— Горбатов указал на меня,— пусть пишет книгу. Помогите ему побольше собрать материала в полках, батальонах, ротах, глубже вникнуть в действительность. Он сам участвовал в боях, видел своими глазами события и может написать хорошую вещь. Ах, сколько у вас золота, сколько золота, сколько чудесных эпизодов, фактов, сколько примеров изумительного мужества и отваги! Для писателя — величайшая целина, подымай, не поднимешь сразу. Не одному поколению литераторов хватит распахивать ее. А вам советую разбить книгу на три части. Первая — на подступах к рейхстагу, вторая — Королевская площадь, третья — бои в самом рейхстаге. Ведь сколько еще нераскрытого, особенно на последнем рубеже! Люди и наступали, и оборонялись, и гасили огонь, и хотели пить. Только об этом можно написать потрясающую повесть. Пишите. Как напишете, приезжайте в Москву прямо ко мне.

Он взял мой блокнот и написал в нем: «Горького, 8, кв. 22. Телефон: К-3-27-77».

Вечером мы проводили Горбатова на станцию, он уезжал в Москву. Прощаясь, задержал мою руку, засмеялся:

— А как немецкий майор дал стрелкача-то!..

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Вылазка	3
Лунная соната	7
Корпусной радист Кондрат Убилава	12
Будьте милосердны	15
Жора	17
На рейхстаг!	22
Парламентеры	35
В кабинете Гитлера	38
Горбатов в Берлине	40

Николай Иванович ШАТИЛОВ

НА РЕЙХСТАГ!

Составитель А. Н. Голиков.

Редактор Е. Ф. Олейник.

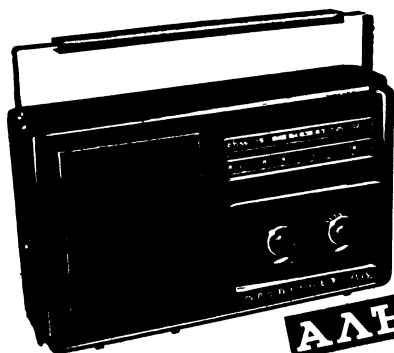
Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 12.02.81. Подписано к печати
18.04.81. А 00364. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 2,88. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 974. Зак. № 214 Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Цена 15 коп.

Индекс 70668



418

АЛЬПИНИСТ

«АЛЬПИНИСТ-418»

Самый трудный поход покажется вам легче, если с вами «Альпинист-418». Приемник сохраняет отличную работоспособность даже при резких изменениях температуры окружающего воздуха и в условиях повышенной влажности.

Конструкция «Альпиниста» проста и надежна. Корпус приемника, выполненный из ударопрочного полистирола, отвечает всем требованиям современного дизайна.

Работает приемник в ДВ и СВ диапазонах.

Цена — 32 руб. 34 коп.



ЦКРО «ОРБИТА»